

ДИН КУНЦ



ДОМ ГРОМА



Дин Рэй Кунц Дом Грома

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124378
Дом Грома: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-15364-0*

Аннотация

Попав в страшную автомобильную катастрофу, молодая привлекательная женщина, талантливый физик Сюзанна Тортон, теряет память. Врачи выводят ее из состояния полной амнезии, но по непонятной причине у нее оказываются заблокированными участки памяти, касающиеся ее прошлой работы в сверхсекретной корпорации «Майлстоун». Последствия аварии усугубляются тем, что Сюзанна оказывается в плену леденящих кровь кошмаров, связанных с давним убийством ее жениха.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	14
Глава 4	28
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дин Кунц Дом Грома

Посвящается Герде

*К моему стыду, я не написал этих слов, когда начинал эту книгу,
сейчас я исправляю свою оплошность.*

Часть первая Страх приближается исподволь...

Глава 1

«Неужели я ослепла?!» – подумала она, очнувшись. Перед глазами проплывала тьма, окрашенная в пурпурные тона, зловещие бесформенные тени блуждали во мраке. Она уже готова была закричать от ужаса, когда темнота вдруг плавно перешла в дымку, а дымка обернулась белым потолком из звукопоглощающих плиток.

Пахло свежевыглаженным постельным бельем. Ноздри щекотал запах антисептики, дезинфицирующих средств и спирта.

С первым же поворотом головы пронзительная боль мучительным разрядом просверлила череп от виска к виску. От судороги она зажмурилась, а когда снова смогла открыть глаза, то обнаружила, что лежит в больничной палате.

Как она в нее попала, припомнить не было никакой возможности. Она даже не могла восстановить, в каком городе находится эта неизвестная ей больница.

Что со мной?

Своей пугающе слабой рукой она сумела дотянуться до лба и обнаружила на нем повязку, покрывающую весь лоб до самых волос. К тому же ее коротко остригли. Ведь были же у нее когда-то пышные и длинные волосы?

Держать руку поднятой не было больше сил; она уронила ее на край кровати.

Левой рукой она не могла шевелить вовсе – та была накрепко прибинтована к поручню кровати, и из нее торчала игла. Ее силы поддерживали внутривенными вливаниями, рядом с кроватью стояла хромированная стойка для капельницы, в пластмассовом сосуде слегка вздрагивала жидкость – раствор глюкозы.

Она вновь смежила веки, решив про себя, что все это ей лишь мерещится. К ее удивлению, когда она, открыв глаза, огляделась вокруг, все осталось на своих местах. Та же больничная палата, тот же белый потолок и те же белые стены, зеленоватая плитка на полу и бледно-желтые занавески по сторонам большого окна. За окном виднелись высокие вечно-зеленые деревья неизвестной ей породы и пасмурное небо с редкими островками голубизны. В палате стояла вторая кровать, пустая, так что она была здесь в полном одиночестве.

Для того чтобы она не упала на пол, на ее кровати имелось ограждение с боков. Она беспомощна, словно младенец в колыбели.

Она вдруг поняла, что не знает своего имени. Не знает своего возраста, вообще ничего о себе не знает.

Она стояла перед высокой глухой стеной, не ведая, как пробраться через нее к бесценным сокровищам своей памяти. Все попытки преодолеть препятствие успеха не имели, стена стояла нерушимо. Ледяной цветок страха раскрывал свои холодные лепестки у нее под сердцем. Еще несколько отчаянных, судорожных шагов на ощупь в полной темноте. Тупик.

Амнезия. Повреждение головного мозга.

Эти черные слова безжалостно возникли в ее сознании. Она попала в катастрофу и получила серьезную травму головы. Да, так и есть, и теперь ей предстоит жизнь калеки, беспомощной и жалкой. От такой перспективы ее бросило в дрожь.

Внезапно, однако, неизвестно какими путями, имя ее вернулось к ней. Сюзанна. Сюзанна Торнтон. Тридцати двух лет от роду.

Неожиданный прилив воспоминаний оказался, впрочем, скорее игрой случая. Она не смогла восстановить в памяти ничего, кроме своего имени с фамилией и возраста. Она старательно обшаривала все закоулки памяти, но была не в силах припомнить, где жила прежде. Где и кем работала? Была ли замужем? Были ли у нее дети? В какую школу она ходила в детстве? Какие блюда больше всего любила? Какую музыку? Ответа не было ни на один из вопросов, независимо от того, были ли они жизненно важными или пустяковыми.

Амнезия. Повреждение головного мозга.

Страх заставил ее сердце биться чаще. Затем, в какой-то момент, она с облегчением вспомнила, что этим летом она поехала во время своего отпуска в Орегон. Откуда она уехала и куда должна была вернуться – это было покрыто мраком, но, по крайней мере, она теперь знала, где находится. Где-то в штате Орегон. Последнее, что высветилось в ее памяти, оказалось великолепной горной дорогой. Почему-то именно этот пейзаж вернулся к ней во всех, даже самых мельчайших деталях. Она мчалась в машине по шоссе, по сторонам которого росли сосны, где-то совсем рядом плескалось море, она слушала радио и наслаждалась прекрасным безоблачным утром. В какой-то момент она миновала сонную деревушку с домами из камня и дерева, затем обогнала пару медленно ползших по шоссе грузовиков, затем ехала по дороге в полном одиночестве, затем... затем...

Пустота, провал в памяти. Затем она очнулась в смятении, с глазами, совершенно отвыкшими от дневного света, в этой больнице.

– Так, так. Ну, наконец-то.

Сюзанна повернула голову, пытаясь увидеть, кто говорит с ней. В глазах от боли опять все поплыло, молния снова пронзила череп.

– Как себя чувствуете? Пока вид действительно бледный, но чего же вы хотите? После того, что с вами стряслось, это совсем не удивительно. По-другому и быть не может, это совершенно естественно.

Голос, как оказалось, принадлежал медсестре, которая подошла к кровати со стороны двери. Сестра была пышной, но не чрезмерно, женщиной в возрасте, с начинающими седеть волосами, с теплым взглядом карих глаз и с широкой улыбкой на лице. Она носила очки в светлой оправе, в настоящий момент они, закрепленные на цепочке, покоились поверх халата, облегающего ее пышные формы.

Сюзанна попыталась что-то сказать в ответ. Но язык не слушался ее.

Даже слабое усилие, необходимое для артикуляции, вызывало у нее головокружение, она едва не потеряла сознание. Она еще больше испугалась сама за себя.

Медсестра подошла поближе к кровати и ободряюще улыбнулась.

– Я же говорила, милая моя, что ты обязательно выкарабкаешься. Я просто была уверена в этом. Не все, кстати, здесь разделяли эту уверенность. Но я-то знала, что ты будешь молодчиной. – Сестра нажала одну из кнопок на табло, укрепленном рядом с кроватью.

Сюзанна снова попробовала ответить, и на этот раз ей удалось издать слабый звук, больше, правда, похожий на кашель. Она вдруг представила себе, что вполне могла навсегда лишиться дара речи. Неужели ей придется всю оставшуюся жизнь не произносить ничего, кроме этих ужасных, похожих на крик животного звуков! Ведь, насколько ей помнится, повреждение головного мозга иногда приводит к потере речи. Не случилось ли это и с ней?

Голова гудела, сосуды сжимал страшный спазм. Ее раскручивала какая-то гигантская карусель, раскручивала все быстрее и быстрее, и она молила, чтобы кто-нибудь прекратил это вызывающее дурноту движение.

Медсестра, должно быть, заметила отчаяние в глазах Сюзанны и ласково заговорила:

– Ну же, ну же, успокойся, детка. Все будет хорошо. – Она проверила капельницу, затем приподняла запястье правой руки у больной и стала считать пульс.

«Боже мой! – думала Сюзанна. – Я не могу разговаривать. Возможно, ходить я тоже не смогу».

Она попыталась пошевелить ногой под одеялом. Оказалось, что ног своих она почти не ощущает; они были такими тяжелыми, налитыми свинцом, как и руки.

Медсестра отпустила ее руку, но Сюзанна вцепилась пальцами в подол халата и отчаянно пыталась что-то произнести.

– Ну не торопись, милая, – ласково посоветовала медсестра.

Но Сюзанна чувствовала, что ей надо подстегивать себя. Она вновь была на грани обморока. К боли в голове прибавились черные тени, которые все больше заслоняли от ее взора окружающий мир.

В палату вошел врач в белом халате, он явился, вероятно, по вызову медсестры. Крепко сложенный, с обветренным лицом, на вид лет около пятидесяти. Прямые черные волосы были зачесаны без пробора назад.

Когда он подошел к кровати, Сюзанна умоляюще взглянула на него и спросила: «У меня парализованы ноги?»

Она думала, что ей удалось сказать это вслух, но почти сразу эта надежда развеялась в прах. Прежде чем она смогла сделать новую попытку, клубящаяся чернота затмила ее взор, ограничив поле зрения сначала небольшим кружком, который вскоре превратился в жалкую точку.

Затем наступила темнота.

Она погрузилась в сон. Сон был тяжелый, ужасный, кошмарный.

Наверное, уже в двухсотый раз ей снилось, что она попала в «Дом Грома» и снова всюду вокруг кровь, теплая кровь.

Глава 2

Когда Сюзанна открыла глаза, головной боли не было и в помине. Зрение тоже прояснилось, головокружение прекратилось.

Наступал вечер. За окном начинало темнеть, в палате горел неяркий свет.

Капельницу уже унесли. Бледные, исколотые иглами, неправдоподобно худые руки Сюзанны лежали поверх простыни и являли собой весьма жалкое зрелище.

Сюзанна повернула голову и увидела рядом с кроватью все того же врача с обветренным лицом. Он возвышался над ней, взгляд его был устремлен на нее сверху вниз. Взгляд этот обладал какой-то странной, тревожащей властью, казалось, его карие глаза смотрят не на нее, а скорее внутрь ее, тщательно извлекая все секреты из тайников ее души. При этом сами глаза врача не выдавали никаких чувств своего обладателя, они были будто стеклянными.

– Что... случилось... со мной? – спросила Сюзанна.

Она могла теперь говорить. Голос ее был слабым, хриловатым и, вероятно, трудным для восприятия, но теперь все ее страхи о пожизненной немоте в результате травмы мозга рассеялись как дурной сон.

Слабость, однако, оставалась. Ее жалкие запасы сил уменьшались с каждым произносимым словом, даже шепот давался ей с трудом.

– Где я... нахожусь? – прошептала она срывающимся голосом. Каждый трудный звук болью обжигал горло.

Врач не сразу ответил на ее вопрос. Сначала он взял в руки пульт управления, от которого тянулся провод, исчезающий под кроватью, и нажал одну из четырех кнопок. Часть кровати вместе с подушкой приподнялась, приводя Сюзанну в сидячее положение. Затем врач положил пульт на столик у кровати и наполнил водой из металлического графина стакан.

– А теперь пейте, но очень-очень медленно, – посоветовал он. – Прошло довольно много времени, с тех пор как вы в последний раз пили и ели таким вот привычным образом.

Сюзанна благодарно припала к воде. Вода была изумительна вкусна. К тому же она успокаивала ее раздраженное горло.

Когда Сюзанна выпила воду, врач взял стакан из ее рук и поставил его обратно на столик. Он отстегнул от своего нагрудного кармана крошечный фонарик в виде ручки, наклонился и стал внимательно обследовать ее глаза. Его собственные глаза оставались все такими же непроницаемыми, спрятанными под густыми бровями, к тому же он наморщил лоб, что придавало его лицу какой-то недовольный вид.

В ожидании конца этой процедуры Сюзанна пыталась пошевелить ногами под одеялом. Несмотря на ужасную слабость и ощущение страшной тяжести, ноги слушались. Значит, и паралич ног миновал ее.

Доктор, закончив обследование глаз, вытянул ладонь в нескольких дюймах от лица Сюзанны.

– Вы видите мою руку?

– Да, безусловно, – ответила та. Голос, оставаясь слабым и дрожащим, теперь, по крайней мере, стал не таким хриплым и неразборчивым.

Что касается голоса доктора, то он, на ее слух, оказался густым, с легким гортанным акцентом, который она, пожалуй, не смогла бы четко определить. Доктор продолжал:

– Сколько пальцев я поднял сейчас вверх?

– Три, – ответила она, сообразив, что ее проверяют на симптомы сотрясения головного мозга.

– А сейчас сколько?

- Два.
- А теперь?
- Четыре.

Врач в знак одобрения закивал, и глубокие морщины, прорезавшие его лоб, слегка разгладились.

Глаза доктора тем не менее продолжали внимательно разглядывать ее, и это было весьма неприятно.

- Вы помните, как вас зовут?
- Да. Я – Сюзанна Тортон.
- Правильно. А ваше второе имя?
- Кэтлин.
- Отлично. Сколько вам лет?

– Тридцать два.

– Хорошо. Очень хорошо. Все говорит о том, что у вас в голове полная ясность.

Голос Сюзанны вдруг снова стал хриплым и невнятным. Она прокашлялась и сказала:

– Но это практически все, что я могу вспомнить о себе.

Брови доктора, так и не разгладившие до конца его лоб, снова сошлись и разделили морщинами его квадратное широкое лицо.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, я не могу вспомнить, где я жила раньше... где работала... была ли замужем...

Он внимательно посмотрел на нее, затем проговорил:

– Вы живете в Ньюпорт-Бич в Калифорнии.

Как только он произнес название этого города, в ее сознании возник ее дом – затейливого испанского стиля, с красной черепичной крышей, с белыми стенами, с видом из окон на несколько высоких пальм во дворе. Но сколько она ни силилась вспомнить, ни название улицы, ни номер дома так и не пришли ей на память.

– А работаете вы в корпорации «Майлстоун» в Ньюпорте, – добавил доктор.

– «Майлстоун»? – повторила Сюзанна. Сквозь туманную дымку в ее сознании возник какой-то слабый свет при упоминании этого названия.

Врач продолжал внимательно вглядываться в нее.

– Что случилось?! – нервно вскрикнула Сюзанна. – Почему вы так смотрите на меня?

Доктор от неожиданности заморгал, затем как-то неловко улыбнулся. Было ясно, что ему пришлось искусственно вызывать улыбку у себя на лице, и от этого она получилась натянутой.

– Как вам сказать... я ведь очень беспокоюсь за вас. И хотел бы убедиться, что вы на пути к выздоровлению. Ничего удивительного в вашей временной потере памяти нет, к тому же этот симптом легко поддается лечению. Но, к сожалению, в вашем случае мы имеем дело с несколько иной вещью, чем временная потеря памяти, нам надо будет выработать особый подход. Поэтому-то так важно для меня знать, говорит ли название «Майлстоун» что-нибудь вам или нет.

– «Майлстоун», – задумчиво повторила Сюзанна. – Да, пожалуй, в нем есть что-то знакомое мне. Что-то *слегка* знакомое.

– Так вот, вы работали там физиком. Вы получили степень доктора в Калифорнийском университете несколько лет тому назад, и сразу же после этого вам была предложена работа в «Майлстоуне».

– Да-да, – поддакнула она, и в памяти стали вырисовываться какие-то более четкие контуры.

– Нам удалось уже узнать кое-что о вас от ваших коллег по «Майлстоуну», – продолжал врач. – У вас нет детей, вы не замужем и никогда не были замужем. – Он посмотрел на нее, чтобы проверить ее реакцию на сказанное. – Ну как? Теперь все встает на свои места?

Сюзанна вздохнула с облегчением.

– Да. В какой-то степени. Кое-что возвращается в память... но не все. Скорее отдельные фрагменты, куски.

– Это займет еще некоторое время, – подбодрил доктор. – После такой травмы, как у вас, нельзя надеяться на мгновенное выздоровление.

У Сюзанны накопилось немало вопросов к доктору, но все возрастающая слабость пересиливала ее любопытство. Она откинулась на подушки, чтобы перевести дух, и попросила еще воды.

На этот раз врач налил в стакан не больше трети его объема и снова предупредил, чтобы она не торопилась.

Сюзанна и сама чувствовала, что ей надо быть осторожной. Отпив всего несколько глотков, она почувствовала такую тяжесть в желудке, как будто съела сытный ужин.

Утолив жажду, она произнесла:

– Не знаю вашего имени.

– О, извините, я не представился. Витецкий. Доктор Леон Витецкий.

– Я услышала, что вы говорите с акцентом. Я ведь не ошиблась, нет? Витецкий... наверное, это влияние польского языка?

Доктор почему-то смутился, отвел взгляд в сторону.

– Да, я остался сиротой во время войны. Приехал в эту страну в 1946 году, когда мне было семнадцать лет. Меня сюда пригласил мой дядя. – Доктор вдруг стал говорить медленней, его речь стала напоминать тщательно выученный монолог. – Я утратил большую часть моего польского акцента, но боюсь, что совсем от него мне никогда не избавиться.

Видимо, сама того не желая, Сюзанна затронула неприятную для доктора тему. Любое упоминание о его акценте вызывало у врача странное смущение.

Он сразу же заговорил о другом, перейдя опять на скороговорку:

– Я главврач этой больницы, у меня в подчинении весь персонал. Кстати, вы имеете представление о том, где мы с вами сейчас находимся?

– Да, я, кажется, припоминаю, что поехала провести свой отпуск в Орегон, но не скажу точно, в какое место я направлялась. Вероятно, эта больница где-то в Орегоне, не так ли?

– Да. Этот город называется Уиллаук. Население – около восьми тысяч. Этот город – центр округа. Округ Уиллаук – по большей части сельский, поэтому здесь ничего нет, кроме нашей больницы. Да и больница сама по себе небольшая. Пятиэтажное здание, двести двадцать коек. Но, в общем-то, здесь неплохо. Мне на самом деле здесь нравится, я предпочитаю это место любому суперсовременному заведению в огромном городе, ведь здесь мы имеем возможность подойти внимательно к каждому из наших пациентов. А это очень важно, это напрямую влияет на процент выздоравливающих.

В голосе доктора совсем не чувствовалось оттенка гордости или энтузиазма, несмотря на то, что он произносил все эти высокопарные слова. Речь его была ровной и монотонной.

«Или мне все это кажется? – подумала Сюзанна. – Может быть, что-то произошло с моими чувствами, и я теперь неверно оцениваю окружающих?»

Преодолевая свою слабость и возобновившуюся головную боль, она сумела приподнять голову над подушкой и спросить доктора:

– Скажите, почему я здесь оказалась? Что случилось со мной?

– Разве вы не помните о той катастрофе, в которую вы попали?

– Нет.

– У вашей машины отказали тормоза. Это произошло на чрезвычайно опасном повороте, в двух милях¹ южнее поворота на Вьютоп.

– Вьютоп?

– Да, это название того места, куда вы направлялись. У вас в бумажнике было найдено подтверждение на заказ гостиничного номера именно в этом местечке.

– Там что, есть гостиница?

– Да. «Вьютоп Инн». Это же курортное место. Там отдыхают с незапамятных времен. Вернее, этот городишко построен лет пятьдесят-шестьдесят назад, и, как мне представляется, сейчас он пользуется большей популярностью среди отдыхающих, чем в прежние времена. Для того чтобы укрыться от современной цивилизации, лучшего места не найти.

Доктор Витецкий говорил, а Сюзанна понемногу вспоминала. Она закрыла глаза, и перед ней начали проплывать фотографии этого курорта, увиденные ею в журнале «Путешествия» в феврале прошлого года. Да, она действительно заказала себе номер в «Вьютоп Инн» на часть своего отпуска, так как была совершенно очарована видами, открывающимися с широких веранд этой гостиницы, очарована ее старинной, с колоннами, архитектурой, роскошными садами, в которых утопал этот приморский отель.

– Так вот, – продолжал Витецкий. – У вашей машины отказали тормоза, и вы не смогли с ней справиться. Вы перелетели вместе с машиной через ограждение вдоль дороги, дважды перевернулись и остановились лишь тогда, когда натолкнулись на деревья.

– Боже мой!

– От вашей машины осталась лишь груда искореженного железа. – Он покачал головой. – Это просто чудо, что вам удалось остаться в живых.

Она слегка притронулась в повязке на голове.

– Насколько серьезна эта травма?

Брови Витецкого вновь сошлись вместе, обозначив его обеспокоенность, но она почему-то показалась Сюзанне наигранной, неестественной.

– Вообще-то травма не слишком тяжелая, – пояснил он. – У вас в этом месте была довольно широкая рваная рана, и она довольно-таки медленно заживала. Но, к счастью, не сегодня-завтра вам уже должны снять швы, и я не думаю, что в дальнейшем шрам будет приносить вам много огорчений. Мы приложили немало усилий для того, чтобы шов был зашит очень аккуратно.

– У меня сотрясение мозга?

– Да. Но не очень сильное, недостаточно сильное для того, чтобы вызвать такую продолжительную кому.

Сюзанна чувствовала, что к ней с каждой минутой все ближе подступает усталость и головная боль. Она отчего-то вновь ощутила тревогу.

– Кома?

Витецкий утвердительно кивнул.

– Мы провели рентгеновское сканирование мозга, но не обнаружили никаких признаков закупорки сосудов. Нет также никаких следов какой-то травмы тканей мозга. Никаких гематом, никаких признаков повышенного внутричерепного давления. Вы, конечно же, получили сильный удар в голову, но мы пока не можем сказать, почему это привело к такой продолжительной коме. Несмотря на разрекламированные успехи в медицине, она пока, к сожалению, не может дать ответа на все вопросы. Что действительно важно, так это то, что вам удалось выйти из состояния комы без каких-либо тяжких последствий. Я понимаю, что вас беспокоят некоторые провалы вашей памяти, они действительно внушают определенные опасения, но я уверен, что пройдет некоторое время – и все образуется, все вернется.

¹ 1 миля – 1,6 км (здесь и далее – прим. пер.).

«Он все так же говорит, как будто произносит заранее вызубренный наизусть текст», – подумала Сюзанна.

Но эта мысль не слишком долго занимала ее сознание, гораздо важнее для нее сейчас было то, что сказал доктор. *Кома*. От этого слова по всему телу пробежала холодная дрожь. *Кома*.

– Как долго я находилась в бессознательном состоянии? – спросила она.

– Двадцать два дня.

Она воззрилась на доктора, от неожиданности потеряв дар речи.

– Да-да, это правда, – подтвердил он.

Она покачала головой. «Нет, этого просто не может быть».

В своей жизни она всегда действовала совершенно осознанно. Она тщательно планировала каждый последующий шаг, стараясь не допустить в будущем никакой неожиданности. Свою личную жизнь она выверяла с той же научной тщательностью, которая позволила ей получить докторскую степень на год раньше других ее сверстников. А тема ее научного исследования была очень серьезной – ядерная физика. Она всей душой ненавидела всяческие неожиданности, не могла терпеть никакой зависимости от других людей и, конечно же, была в ужасе при одной только мысли о том, что человеку иной раз приходится быть в состоянии полной беспомощности. Когда доктор Витецкий сообщил ей, что двадцать два дня она была именно в таком состоянии, то есть полностью зависела от воли других людей, Сюзанна почувствовала себя потрясенной.

А что было бы, если бы она вовсе не вышла из этого состояния?

Или – что еще хуже – если бы она вышла из комы полностью парализованным человеком, обреченным на всю жизнь зависеть от заботы окружающих людей? Она бы не смогла ни самостоятельно есть, ни одеваться, ни мыться в ванной без помощи платной прислуги.

По телу пробежала судорога.

– Нет-нет, – попыталась она возразить Витецкому. – Я не могла так долго пробыть в этом состоянии. Я просто не могла. Тут какая-то ошибка.

– Вы, наверное, заметили, как похудели, – убеждал ее Витецкий. – Вы потеряли не меньше пятнадцати фунтов² веса.

Сюзанна подняла перед собой руки. Они напоминали две тоненькие ветки. Она и раньше осознавала, насколько сильно похудела, но не хотела задумываться о причинах этого.

– Вы, конечно же, получали набор питательных веществ вместе с жидкостью, – объяснил Витецкий. – Иначе вы давно погибли бы от обезвоживания. Мы внутривенно давали вам глюкозу, другие поддерживающие элементы, но нормальной еды – я имею в виду пищу в твердом виде – вы не получали очень долго, больше трех недель.

Рост у Сюзанны был пять футов пять дюймов³, и ее нормальный вес составлял (с учетом хрупкого телосложения) порядка ста десяти фунтов. Сейчас же она весила фунтов девяносто – девяносто пять, и потеря веса для нее была, безусловно, катастрофической. Она положила руки поверх одеяла и даже сквозь его плотную ткань ощутила, что от ее рук остались теперь кожа да кости.

– Двадцать два дня... – повторила она в задумчивости.

Как бы то ни было, приходилось верить в то невероятное, что произошло с ней.

Теперь, когда она сдалась под напором очевидных фактов, усталость и боль предприняли на нее новую атаку. Обессиленная, она откинулась на подушки.

² 1 фунт – 454 г.

³ 1 фут = 12 дюймам = 30,48 см

– Я полагаю, что на сегодня достаточно, – заключил Витецкий. – Вероятно, я даже решил вам разговаривать дольше, чем нужно. Вы совершенно измотаны. Теперь вам необходимо долго-долго отдыхать.

– Отдыхать?! – возразила Сюзанна. – Нет-нет. Ради бога, только не это. Я уже отдыхала двадцать два дня.

– О каком отдыхе можно говорить в состоянии комы? – возразил Витецкий. – Это же совсем не то, что обычный сон. Вам еще долго придется восстанавливать свою физическую форму и утраченные силы.

Врач взял со столика пульт управления, нажал кнопку и вернул кровать в исходное положение.

– Нет-нет! – панически закричала Сюзанна. – Подождите, пожалуйста, подождите хоть еще немного!

Витецкий не обратил внимания на ее протесты.

Сюзанна схватилась руками за ограждение кровати и попыталась сесть самостоятельно, но сил для этого было явно недостаточно.

– Вы же не будете заставлять меня спать, верно? – взмолилась она, хотя сама прекрасно понимала, что нуждается в сне и отдыхе. Глаза наливались тяжестью и закрывались сами собой.

– Сон – это именно то, что вам сейчас просто необходимо, – пытался убедить ее Витецкий.

– Но я *не могу*.

– Мне кажется, вам удастся заснуть, вы выглядите ужасно изможденной. И это неудивительно.

– Нет-нет, я имею в виду другое – мне страшно засыпать. Вдруг я никогда уже не проснусь?

– Уверю вас, это невозможно.

– А если я опять впаду в кому?

– Исключено.

Разочарованная неспособностью врача понять ее страхи, Сюзанна сжалась как пружина и предприняла новую атаку.

– Что будет, если я опять окажусь в коматозном состоянии?

– Но, послушайте, нельзя же теперь всю жизнь бояться обычного сна. – Витецкий говорил медленно, терпеливо, как будто уговаривал маленького ребенка. – Попробуйте расслабиться. Кома – это то, что уже позади. Скоро вы совсем поправитесь. Сейчас уже довольно поздно, я и сам сейчас поужинаю и отправлюсь спать. Расслабьтесь. Договорились? Сбросьте с себя всякое напряжение.

«Если так он ведет себя у постели больной, – подумала Сюзанна, – то каков же он, когда не прикидывается заботливым?»

Доктор направился к двери.

Она уже хотела закричать ему вслед: «Не оставляйте меня одну!» Но ее развитое чувство самостоятельности не позволило ей вести себя, подобно испуганному ребенку. Она не собиралась полагаться во всем на доктора Витецкого или на кого-либо другого.

– Теперь вам надо отдохнуть, – повторил врач. – Завтра вы на все посмотрите другими глазами.

Он выключил верхний свет.

По комнате сразу же поползли тени, словно они были живыми существами и до этого прятались за мебелью или по углам. И, хотя Сюзанна не припоминала, что когда-либо боялась темноты, ей теперь было явно не по себе; сердце забилося, как сумасшедшее.

Палата теперь освещалась лишь холодным мигающим светом из коридора, который лился через открытую дверь, да немного света добавляла дежурная лампочка на столике в углу палаты.

Витецкий стоял в проеме двери, виден был только его силуэт, черты лица неразличимы, он походил на куклу, вырезанную из картона.

– Спокойной ночи, – сказал доктор на прощание.

Он закрыл за собой дверь, и свет из коридора исчез.

В комнате горел только ночник, его слабого света едва хватало лишь на то, чтобы осветить пространство в метре-двух от него. Темнота подкралась к Сюзанне совсем близко, простерла свои длинные пальцы у нее над кроватью.

Она была один на один с этой темнотой.

Сюзанна взглянула на вторую кровать, на ней лежали черные тени, словно полосы траурного крепа, сама кровать теперь больше напоминала гроб. Если бы хоть кто-нибудь был сейчас в палате.

«Но это же ненормально, – подумала Сюзанна, – больных в таком состоянии нельзя оставлять одних. Я же только что вышла из состояния комы. Здесь обязательно должен быть кто-то – медсестра, сиделка, *кто-нибудь*».

Глаза наливались страшной, свинцовой тяжестью.

«Нет, – сердито шептала она сама себе, – я не должна засыпать. По крайней мере до тех пор, пока у меня не будет уверенности, что невинный сон не превратится в новую трехнедельную кому».

Еще несколько минут Сюзанна пыталась противиться цепким объятиям сна, но даже ногти ее, впившиеся в ладони, не придали ей бодрости. Глаза болели и горели от усталости, и она решила хоть на минутку прикрыть их, чтобы дать отдохнуть. Она была совершенно уверена, что не заснет, если закроет глаза. Конечно, она продержится. Это ясно.

Она рухнула в сон, словно камень в бездонную пропасть.

Она погрузилась в сновидения.

Ей снилось, что она лежит на холодной, сырой, утоптанной земле. Она была не одна. *Они* были с ней. Она побежала, натываясь на стены темных коридоров, углубляясь в них все дальше и дальше. Она убегала от кошмара, который на самом деле произошел с нею. Она помнила точное время и место, где это произошло. Она пережила это, когда ей было девятнадцать.

Это произошло в «Доме Грома».

Глава 3

На следующее утро, всего через несколько минут после того, как Сюзанна проснулась, к ней в палату вошла уже знакомая ей пожилая медсестра. Как и вчера, очки у нее болтались на цепочке на груди. Она сразу дала Сюзанне термометр, посчитала пульс, затем нацепила очки на нос и посмотрела на шкалу термометра. Выполняя все эти процедуры, она не умолкала ни на одну секунду. Звали ее Тельма Бейкер. Она еще раз повторила, что с самого начала верила в силы Сюзанны. Медсестрой она работает уже тридцать пять лет, сначала в Сан-Франциско, а затем уже здесь, в Орегоне, и она редко ошибается в предсказании шансов на выздоровление. Она сказала, что считает себя прирожденной медсестрой и даже предполагает, что и в предыдущей жизни у нее тоже была эта же профессия.

– Ну, конечно, на другое у меня просто не хватает ни сил, ни времени, – чистосердечно призналась она. – Например, я знаю, что хозяйка в своем собственном доме из меня совершенно никудышная. А уж про деньги, про все эти налоги и говорить нечего: каждый месяц разбираться со счетами – для меня это воистину адская работа. Да и в браке мне не очень-то повезло. Было двое мужей, было два развода, а детей не было. Готовить бог не дал таланта. Шить что-то для себя – тоже мука. Зато я прекрасная медсестра и горжусь этим, – заключила Тельма с чувством и повторила это еще не один раз, всегда сопровождая свои слова широкой улыбкой, в которой расплывался ее рот, и сверкая карими глазами, искренне говорящими о ее гордости за свою прекрасную профессию.

Сюзанне эта женщина сразу понравилась, хотя обычно она не очень уважала неутомимых говорюнов. Но болтовня миссис Бейкер была настолько забавной, нетщеславной и легкой, что это сразу извиняло ее слабость к непрерывным разговорам.

– Проголодалась небось? – поинтересовалась она.

– Умираю от голода, – призналась Сюзанна, она действительно проснулась с ощущением зверского аппетита.

– Сегодня в первый раз попробуешь настоящую еду, – сказала миссис Бейкер, – но, конечно, для начала это будут только легкие блюда.

Как только она проговорила это, в палате появился молодой светловолосый санитар, прикативший тележку с завтраком: Сюзанне полагалось вишневое желе, кусочек хлеба без масла, но с виноградным желе и несколько тоненьких отваренных плодов тапиоки. Никогда еще никакая еда не казалась ей такой привлекательной. Она только была несколько разочарована размером предложенных ей порций и даже призналась в этом медсестре.

– Да, это, конечно, далеко не пир, – согласилась миссис Бейкер, – но поверь, милая, ты почувствуешь, что насытилась, как только съешь половину из этого. Вспомни, ведь ты ничего не ела три недели. Твой желудок сжался в комок. Пройдет еще время, прежде чем ты сможешь нормально есть любую пищу.

Миссис Бейкер поспешила к другим больным, а Сюзанна вскоре убедилась, насколько права была медсестра. Хотя на подносе было совсем немного еды и выглядела она очень аппетитно, она не смогла сразу с ней справиться.

За завтраком она вспомнила о докторе Витецком. Она все еще была на него в обиде за то, что он оставил ее на ночь одну, без сиделки. Несмотря на дружелюбие миссис Бейкер, больница по-прежнему представлялась ей холодным, неприветливым местом.

Насытившись, Сюзанна вытерла салфеткой губы, отодвинула от кровати столик с подносом – и внезапно почувствовала на себе чей-то взгляд. Она подняла глаза.

Он стоял в проеме двери – высокий элегантный мужчина лет тридцати восьми. Темные туфли, темные брюки, белый халат, белая рубашка с галстуком в зеленых тонах. Лицо у него было привлекательным, пожалуй, даже чувственным, с правильными чертами, словно

вышедшее из-под резца гениального скульптора. Голубые глаза, преисполненные каким-то сиянием, чудесным образом сочетались с его темной шевелюрой; пышные волосы зачесаны назад.

– Мисс Тортон, – проговорил он. – Счастлив видеть вас бодрой и свежей. – Он подошел ближе к кровати. У него была приятная улыбка, приятнее даже, чем у Тельмы Бейкер. – Я ваш лечащий врач доктор Макги. Джеффри Макги.

Он протянул ей свою руку, и она слегка пожала ее. Ладонь была сухой, пожатие сильным, но в то же время мягким, бережным.

– А я думала, что моим врачом будет доктор Витецкий.

– Нет, он у нас главврач, он начальник над всем медицинским персоналом больницы, – пояснил Макги, – а я буду заниматься непосредственно вами. – В его голосе чувствовались и надежная мужская сила, и мягкая обволакивающая доброта. – Я был дежурным врачом как раз в тот день, когда вас доставили к нам в приемное отделение.

– Но вчера доктор Витецкий сказал...

– Вчера у меня был выходной день, – перебил ее Макги. – У меня два дня выходных от моей частной практики и всего один выходной день от обходов в больнице. Так вот, я до сих пор не понимаю, как это вы умудрились выбрать для своего возвращения в сознание именно этот день. Вы лежали без движения три недели, двадцать два дня я не переставал думать о том, как вывести вас из этого состояния, и – на тебе, – вы выбираете именно тот день, когда меня нет в больнице. – Макги покачал головой, изображая и обиду, и огорчение. – Да мне и сообщили-то об этом только сегодня утром. – Он нахмурил брови, взглянув на мисс Тортон с насмешливым упреком. – А теперь, мисс Тортон, – продолжал подшучивать он, – если вы намерены преподносить нам еще какие-либо чудеса, то я настаиваю на моем присутствии при них. Как же иначе я смогу в них поверить и разделить с вами славу победы? Договорились?

Сюзанна в ответ только рассмеялась, приятно удивленная шутками доктора.

– Конечно, доктор Макги, я согласна.

– Ну и прекрасно. Отлично. Я рад, что нам удалось договориться. – Он улыбнулся. – Как вы себя чувствуете сегодня утром?

– Уже лучше, – ответила она.

– Уже готовы провести вечер в баре и потанцевать?

– Может быть, отложим до завтра?

– Так, значит, и договоримся. – Он взглянул на поднос с остатками завтрака. – Я вижу, у вас появился аппетит.

– Я попыталась съесть все, но не смогла.

– Именно так сказал Орсон Уэллс⁴.

Сюзанна от души рассмеялась.

– Ну что же, начали вы неплохо, – сказал доктор, показав на поднос. – Вам поневоле приходится начинать с небольших порций, тут ничего не поделаешь. Но не беспокойтесь, вы быстро восстановите свои силы. Вы даже сами не заметите, как дела пойдут на лад и вы окончательно выздоровеете. Сегодня утром кружилась голова, были боли?

– Нет, не было ни того, ни другого.

– Давайте-ка я проверю ваш пульс, – сказал он, собираясь взять ее запястье.

– Пульс уже измерила миссис Бейкер незадолго до завтрака.

– Я в курсе. Я просто искал предлог, чтобы вновь дотронуться до вашей руки.

Сюзанна снова рассмеялась.

⁴ Уэллс Орсон – американский режиссер и киноактер, автор многих фильмов, ставших классикой мирового кинематографа.

– Вы так не похожи на других врачей.

– А вы считаете, что врач обязан быть строгим, деловым, серьезным и без чувства юмора?

– Совсем не обязательно.

– Вы считаете, что мне следует взять в пример доктора Витецкого?

– Безусловно нет.

– Он велик-к-колепный врач, – продолжал Макги, мастерски подражая польскому акценту Витецкого.

– Я в этом не сомневаюсь. Но подозреваю, что вы ему ни в чем не уступаете.

– Благодарю вас. Ваш комплимент должным образом отмечен, и он, безусловно, обеспечит вам маленькую скидку, когда я буду подводить окончательные итоги.

Макги все еще продолжал удерживать в своей руке ее запястье. Наконец он взглянул на часы и посчитал пульс.

– Я буду жить? – спросила она, когда он закончил.

– Никаких сомнений не может быть. Вы теперь будете выздоравливать на всех парах. – Он все еще не отпускал ее руки. – А если серьезно, то я честно думаю, что шутки между врачом и пациентом только на пользу последнему. Поднимается тонус, а с ним и жизненные силы организма. Но дело в том, что некоторые люди на дух не переносят, когда с ними шутят люди в белых халатах. Для таких людей, вероятно, лучше, когда врач как бы несет у себя на плечах всю тяжесть мира, наверное, им от этого становится легче. Так что, если мои шутки вас раздражают, я могу «убавить громкость или вовсе выключить звук». Самое главное для меня, чтобы вы чувствовали себя удобно и верили в тех людей, которые заботятся о вашем выздоровлении.

– Нет-нет, что вы, продолжайте, ваши шутки меня вполне устраивают, – уверила доктора Сюзанна. – Больше того, они просто необходимы, от них поднимается настроение.

– Вам вовсе не из-за чего быть мрачной. Самое худшее у вас позади.

Отпуская ее руку, он слегка сжал ее напоследок.

К своему удивлению, Сюзанна почувствовала – ей жаль, что это рукопожатие так быстро кончилось.

– Доктор Витецкий сказал мне, что у вас были какие-то провалы в памяти, – продолжал Макги.

Сюзанна нахмурилась.

– Наверное, теперь их стало меньше, чем вчера, да и все остальное, видимо, рано или поздно вспомнится. Хотя вспоминать еще придется многое.

– Я собирался поговорить с вами на эту тему. Но прежде мне надо завершить обход больных. Я вернусь через пару часов, и, если вы не возражаете, мы вместе поможем вашей памяти восстановить утраченные фрагменты.

– Конечно, я не возражаю, – ответила Сюзанна.

– А сейчас вам лучше отдохнуть.

– Ничего другого мне не остается.

– Но в теннис я вам пока играть запрещаю.

– Как же так! У меня же назначен матч с миссис Бейкер.

– Придется отменить.

– Слушаюсь, доктор Макги.

Она улыбкой проводила его до дверей. Он шел уверенной походкой, стройный и элегантный.

Он уже помог ей. Мрачные мысли сами собой улетучивались из сознания, и теперь она понимала, что все ее страхи были не чем иным, как порождением ее собственной фантазии, результатом ее слабости и неуверенности в своих силах; никакого иного объяснения просто

не могло быть. Странное поведение доктора Витецкого больше не казалось ей заслуживающим внимания, да и сама больница теперь уже не казалась ей такой мрачной, как вчера.

Через полчаса, когда миссис Бейкер снова заглянула к ней, Сюзанна попросила принести зеркало. Когда она взглянула на себя, то тут же пожалела о своем опрометчивом желании. Из зеркала на нее смотрело бледное, вытянутое лицо. Ее зеленоватые глаза были воспалены до красноты, и вокруг них лежали темные круги, к тому же веки были опухшими. Вероятно, с тем, чтобы облегчить перевязки, ей отстригли со лба ее некогда длинные светлые пряди волос, не слишком заботясь о красоте. В результате получилось нечто убогое и уродливое. Кроме того, после трехнедельного сна волосы загрязнились до невозможности и скатались в неопрятные клочья.

– Боже, на кого я похожа! – воскликнула Сюзанна.

– Ну что вы, ничего страшного, – попыталась ее успокоить миссис Бейкер. – Просто несколько изможденный вид, вот и все. Все восстановится, уверяю вас. Вы снова наберетесь сил, на лице появится румянец, а круги под глазами исчезнут.

– Мне необходимо вымыть голову.

– Но вы же не сможете сейчас пойти в ванную, у вас еще слишком мало сил. К тому же мы пока не можем снять повязку со лба, вероятно, только завтра будут снимать швы.

– Нет-нет. Теперь, сейчас. У меня ужасно грязные волосы и голова. Я выгляжу жалкой, а от этого не прибавляется сил для выздоровления.

– Ну, не будем спорить, милая моя. Вам все равно не уговорить меня, не тратьте напрасну энергию. Единственное, чем могу помочь, – это помыть вам голову сухим способом.

– Сухим? Это как?

– Сначала присыплем волосы тальком, смажем косметическим маслом, а потом расчесаем, – пояснила миссис Бейкер. – Мы проделывали это дважды в неделю, пока вы были в коме.

Сюзанна притронулась к своим волосам.

– Это поможет?

– В какой-то степени.

– О'кей, я согласна.

Миссис Бейкер принесла флакон с тальком и щетку.

– У меня в машине оставался кое-какой багаж, – поинтересовалась Сюзанна. – Что-нибудь уцелело из него?

– Конечно. Все, что осталось, лежит у нас в кладовой.

– Может быть, там найдется и моя косметичка?

Миссис Бейкер улыбнулась.

– Не правда ли, он чертовски хорош собой. И такой добрый. – Она подмигнула и добавила: – Кстати, он еще не женат.

Сюзанна вспыхнула.

– Я не понимаю, что вы хотите сказать.

Миссис Бейкер ласково засмеялась и погладила Сюзанну по руке.

– Не смущайся, детка. Я не знаю ни одной пациентки доктора Макги, которая не старалась бы выглядеть перед ним как можно лучше. Если речь идет о молоденькой девушке, то она использует сразу весь запас своей косметики, когда он должен пройти с обходом. У женщин постарше при знакомстве с ним сразу появляется характерный блеск в глазах. Даже седовласые почтенные леди, согнутые пополам своим артритом, лет на двадцать старше меня, – и те чистят себе перышки, лишь бы выглядеть перед ним получше. А так как красота дает женщине чувство уверенности в себе, то эти попытки понравиться можно воспринимать как своего рода терапию.

Ближе к полудню доктор Макги вернулся к ней в палату. Перед собой он катил две тележки.

– Я подумал, почему бы нам не обсудить проблемы вашей памяти за обедом?

– Разве врачи могут обедать вместе с пациентами?

– Мы здесь у себя стараемся не соблюдать формальностей, характерных для больниц в больших городах.

– А кто платит за обед?

– Конечно, вы. Не могу же я не соблюдать формальности *до такой степени*?

Сюзанна улыбнулась.

– Что же у нас на обед?

– Для меня – сэндвич с цыпленком и с салатом, а также яблочный пирог, а для вас – хлеб без масла, тапиока...

– Мне кажется, для меня выбор блюд не очень-то меняется.

– Ну что вы, на этот раз мы можем вам предложить кое-что позэкзотичней, чем вишневое желе, – торжественно провозгласил Макги. – Пожалуйста – лимонное желе!

– О, боюсь, мое сердце не выдержит такой неожиданности.

– А также небольшое блюдо с консервированными персиками. Настоящий праздник для гурмана. – Он подвинул столик с подносом поближе к кровати, принес стул и привел изголовье кровати в вертикальное положение, так что теперь у них появилась возможность нормально поболтать за обедом.

Макги переставил поднос с едой для Сюзанны на столик, приподнял пластиковую крышку и, подмигнув ей, сказал:

– Выглядите вы просто отлично – сама свежесть.

– Что вы! Я выгляжу сейчас страшнее смерти.

– Вот и ошибаетесь.

– Нет, к сожалению.

– Это ваша тапиока выглядит не очень аппетитно в вареном виде, а вы выглядите бодрой и свежей. И запомните: я – доктор, а вы – пациент, а пациент не должен никогда, вы слышите – никогда возражать своему доктору. Разве вы не знакомы с медицинским этикетом? Если я говорю вам, что вы выглядите бодрой и свежей, значит, так оно и есть на самом деле.

Сюзанна засмеялась и включилась в игру.

– Боже! Как я могла оказаться такой непонятливой?

– Вот и славно. Значит, вы выглядите бодрой и свежей, Сюзанна.

– Спасибо на добром слове, доктор Макги.

– Вот так уже лучше.

Сюзанна до прихода доктора успела не только «сухим» способом вымыть голову, но и немного подкрасить лицо и подвести помадой губы. Благодаря нескольким каплям «Мурина» из глаз исчезла краснота, оставив лишь легкий налет желтизны на белках. Она также переоделась, сменив больничную рубашку на голубую шелковую пижаму, нашедшуюся у нее в багаже. Она знала, что выглядит не так хорошо, как в лучшие ее дни, но, по крайней мере, кое-что удалось поправить, а это придавало ей ни с чем не сравнимое чувство уверенности в себе. Все происходило так, как и предсказывала любезная миссис Бейкер.

За обедом они поговорили о «белых пятнах» в памяти Сюзанны, стараясь уменьшить их количество и размеры. К счастью, проснувшись сегодня утром, она сама смогла безо всяких усилий вспомнить многое из того, что вчера казалось намертво забытым.

Она вспомнила, что родилась и выросла в пригороде Филадельфии, в очень милом белом доме из двух этажей на одной из самых обычных улиц. Зеленые лужайки перед

домами. Изогнутые террасы. Веселые вечеринки 4 июля. Рождественские песнопения. Соседей звали Оззи и Харриет.

– Мне кажется, что у вас было счастливое детство, – предположил Макги.

Сюзанна взяла себе еще немного лимонного желе и проговорила:

– Для счастливого детства действительно было все необходимое, но, к несчастью, все обернулось не так, как хотелось бы. Я была очень одиноким ребенком.

– Когда вы попали к нам, – сказал Макги, – мы пытались связаться с кем-нибудь из вашей семьи, но не смогли никого найти.

Сюзанна стала рассказывать ему о своих родителях, отчасти потому, что хотела проверить свою память, отчасти потому, что Макги оказался благодарным слушателем. Кроме того, она сама испытывала потребность высказаться после двадцати двух дней молчания и беспросветного мрака. Ее мать, Регина, погибла в дорожной катастрофе, когда Сюзанне было всего семь лет. У шофера огромной цистерны случился инфаркт, когда он находился за рулем, и его машина вылетела на перекресток при красном свете светофора. «Шевроле» Регины в это время как раз был на середине перекрестка. Сюзанна смутно помнила свою мать, но, конечно, не из-за своего нынешнего сотрясения мозга. Она прожила рядом с ней всего семь лет, а после катастрофы миновало целых двадцать пять, и образ матери стерся из ее памяти так же, как выцветает на ярком солнце старая фотография. Отца она помнила гораздо лучше. Фрэнк Тортон был высоким, солидным мужчиной, владельцем в меру процветающего магазина по торговле готовой мужской одеждой. Сюзанна по-настоящему любила своего отца. Она также знала, что и он любит ее, хотя он в этом никогда не признавался вслух. Он был всегда уравновешенным, говорил тихо, был довольно скромным и вполне доволен своим существованием. Самыми счастливыми часами в жизни для него были те, когда он мог уединиться у себя с хорошей книжкой и своей неизменной трубкой. Наверное, если бы у него был сын, а не дочь, он был бы с ним более открыт. Он всегда лучше ладил с мужчинами, чем с женщинами, и воспитание дочери стало для него, несомненно, нелегким испытанием. Он умер от рака через десять лет после гибели Регины, через год после того, как Сюзанна закончила школу. Так что поступать в университет и вступать во взрослую жизнь ей пришлось, как никогда, одинокой.

Доктор Макги покончил со своим сэндвичем и с курицей, вытер рот салфеткой и поинтересовался:

– Разве у вас не было других родственников?

– Один дядя и одна тетя. Но и тот, и другая всегда были чужими для меня. Я не застала ни дедушек, ни бабушек. Но знаете, одинокое детство – не такая уж плохая вещь. Благодаря ему я научилась всегда быть самостоятельной, и это мне очень помогло в жизни.

Макги принялся за яблочный пирог, а Сюзанна наслаждалась консервированными персиками, и они говорили теперь о ее студенческих годах. Сначала она училась в колледже Брайерстеда в Пенсильвании, затем переехала в Калифорнию и получила звания магистра и доктора наук в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса. Эти годы она помнила с необычайной ясностью, хотя с удовольствием изгнала бы из памяти некоторые воспоминания, связанные со вторым годом ее обучения в Брайерстеде.

– Что-то неладно? – спросил Макги, положив на тарелку недоеденный кусок пирога.

Сюзанна удивленно заморгала.

– Да вроде ничего.

– У вас на лице появилось какое-то выражение... – Он нахмурился. – Вот сейчас, минуту назад, вы выглядели так, словно увидели перед собой привидение.

– Да, это недалеко от истины. – Внезапно у нее пропал всякий аппетит. Она положила ложку на столик и отодвинула от себя поднос.

– Может быть, вы не хотите об этом говорить?

– Нет, это просто очень неприятное воспоминание, – пояснила она. – Нечто такое, о чем я с удовольствием забыла бы навсегда.

Макги отодвинул от себя поднос с пирогом.

– Расскажите, если можно, подробнее.

– Зачем вам эти кошмары? Мне жалко вас.

– Ну не жалейте меня.

– Это отвратительная история.

– Если это вас беспокоит, лучше рассказать об этом. Кстати, я люблю иногда послушать кошмарные истории.

Сюзанна не улыбнулась в ответ. Даже доктор Макги не мог перекрасить в другой цвет историю о «Доме Грома».

– Так вот... на втором году учебы в Брайерстее я стала встречаться с парнем, которого звали Джерри Штейн. Он был очень милым. Он мне нравился, нравился по-настоящему. Мы даже начали обсуждать с ним планы женитьбы после окончания колледжа. А вскоре его убили.

– Простите, – сказал Макги. – Но как это случилось?

– Он должен был вступить в студенческое общество.

– Боже! – воскликнул Макги, заранее предполагая, что могло произойти.

– Он должен был пройти испытание... все пошло совсем не по сценарию.

– Что за жестокая, нелепая смерть!

– У Джерри было большое будущее, – тихо прошептала Сюзанна. – Он был просто гениальным, таким внимательным, он так много работал...

– Однажды вечером, когда я был здесь на дежурстве, в приемное отделение принесли мальчишку, у которого на всем теле были страшные ожоги. Все случилось во время вот таких же дурацких испытаний огнем. Как нам объяснили его друзья, это было испытание: якобы он должен был доказать свою зрелость, мужественность. Какая-то ребяческая глупость, и, как назло, что-то там не заладилось. У него оказался ожог восьмидесяти процентов кожи. Он умер через два дня.

– Джерри Штейн погиб не из-за огня, – сказала Сюзанна. – Его убила ненависть. – Она вздрогнула всем телом от ужасных воспоминаний.

– Ненависть? – переспросил Макги. – Что вы имеете в виду?

Она помолчала немного, мысленно возвращаясь на тринадцать лет назад. Несмотря на то, что в палате было тепло, Сюзанне вдруг стало холодно, так же чертовски холодно, как было тогда, когда они попали в «Дом Грома».

Макги терпеливо ждал, слегка подавшись вперед на стуле.

Наконец она мотнула головой и промолвила:

– Я не хотела бы вдаваться в детали. Все это слишком мрачно.

– Да, вам пришлось пережить так много смертей своих близких. Когда тебе всего двадцать один год, это тяжело.

– Да-да. Временами мне казалось, что я чуть ли не проклята кем-то и все такое. Все, кто мне был действительно дорог, умирали.

– Ваша мать, ваш отец, ваш жених...

– Он еще не был моим женихом. Еще не был.

– Но вы же собирались выйти за него замуж.

– Он успел только подарить мне кольцо в знак помолвки.

– Все понятно. Может быть, вам все-таки стоит рассказать всю историю, чтобы как-то убрать ее подальше из памяти?

– Нет, – возразила она.

– Конечно, так сразу вы от этого кошмара не избавитесь, если он висит над вами вот уже тринадцать лет...

Она прервала его:

– Знаете, мне кажется, тут уже ничего не поможет, никакие рассказы. Это *всегда* будет со мной. Слишком страшно, чтобы забыть. Кроме того, разве вы забыли то, что сами мне недавно говорили: для быстрого выздоровления нужны положительные эмоции. Помните?

– Помню, помню, – улыбнулся доктор.

– Так, значит, мне не надо рассказывать о вещах, которые действуют на меня угнетающе.

Он посмотрел на нее долгим взглядом своих неправдоподобно голубых глаз. Эти глаза светились таким участием, что не могло быть никаких сомнений в искренности его намерения помочь ей.

Он вздохнул и сказал:

– О'кей. Давайте теперь вернемся к тому, с чего мы начали наш разговор – к вашей амнезии. У меня такое впечатление, что вам удалось вспомнить почти все, что вы считали забытым. Какие «белые пятна» мы еще не устранили?

Прежде чем ответить, Сюзанна сама взяла в руки пульт управления и, нажав на одну из кнопок, привела изголовье кровати в еще более вертикальное положение. Спина у нее болела, но не из-за травмы, а от долгого пребывания в неподвижном состоянии. Найдя более удобный угол наклона, она положила пульт на место и продолжила разговор:

– Я все еще не могу вспомнить обстоятельств катастрофы, в которую попала. Я помню, что ехала в своей машине по извилистому участку дороги и была примерно в двух милях от поворота к «Вьютоп Инн». Я хотела попасть туда побыстрее, чтобы успеть к ужину. А после этого – мрак, словно кто-то выключил свет.

– Будет не удивительно, если вы вообще никогда не сможете восстановить все подробности этой аварии, – пояснил Макги. – В случаях, подобных вашему, пациент почти всегда способен восстановить любые воспоминания, за исключением тех, что были непосредственной причиной потери памяти. Это «белое пятно» так и остается «белым».

– Да, похоже, так оно и есть, – согласилась Сюзанна. – И, по правде говоря, я не очень-то жалею об этом. Но есть другая вещь, которая совершенно вылетела из моей памяти и которая доводит меня буквально до панического состояния. Это моя работа. Черт возьми, я не могу припомнить ни малейшей детали, ничего. Я, конечно, помню, что работала физиком. Помню, как получала ученые степени в Калифорнийском университете; все эти сложные, специфические понятия прекрасно сохранились в моей памяти. Я могу приступить к работе хоть сейчас, мне даже не надо восстанавливать полученные в ходе учебы навыки и знания. Но где я работала все эти годы? Чем я там занималась? Кто был моим начальником? Кто были мои коллеги по работе? Был ли у меня офис или лаборатория? Как физик, я ведь должна была работать в лаборатории, не так ли? Но я совершенно не могу припомнить, где все это находилось?..

– Вы работали в корпорации «Майлстоун» в Ньюпорт-Бич в Калифорнии, – напомнил Макги.

– Именно это сказал мне и доктор Витецкий. Но это название ничего мне не говорит.

– Вам уже удалось многое вспомнить. И это придет на память, надо только подождать.

– Нет-нет, – замотала головой Сюзанна. – Здесь какой-то особый случай. Все остальные воспоминания выплывали, словно из тумана. Туман рассеивался, и все становилось на свои места. Но, когда я начинаю вспоминать свою работу, то вместо тумана на этом месте... чернота... непроглядная темень. Все словно провалилось в какую-то черную бездонную пропасть. В этом есть что-то... пугающее.

Макги подвинулся поближе к кровати, переместившись на самый край стула. Брови его нахмурились.

– У вас в бумажнике мы обнаружили пропуск корпорации «Майлстоун», – объяснил он. – Может быть, эта карточка на что-то натолкнет вас.

– Может быть, – с сомнением проговорила Сюзанна. – Но мне бы хотелось, конечно, на нее взглянуть.

Ее бумажник находился в нижнем ящике столика, стоящего у кровати. Макги достал его и протянул Сюзанне.

Она открыла бумажник и сразу же обнаружила пропуск. Он был запрессован в пластмассу, и на нем имелаась ее фотография небольшого формата. По верхнему краю карточки синими буквами на белом фоне читалась надпись из двух слов: КОРПОРАЦИЯ «МАЙЛ-СТОУН». Под ней черными буквами были напечатаны имя и фамилия Сюзанны. Еще ниже шла информация о владельце пропуска – возраст, рост, вес, цвет волос и глаз. Внизу карточки красным шрифтом был отпечатан номер пропуска. Больше никаких надписей не было.

Доктор Макги привстал со стула и посмотрел на Сюзанну в тот момент, когда она разглядывала свой пропуск.

– Это на что-то наталкивает вас?

– Нет, – коротко ответила она.

– Совсем никаких ассоциаций?

– Не могу даже припомнить, что когда-либо раньше видела этот пропуск.

Она вертела карточку у себя в руках, пытаясь нащупать хоть какой-нибудь знакомый признак, выйти на нужную тропинку памяти. Карточка казалась ей все такой же незнакомой, она бы не удивилась, если бы ей сказали, что эту карточку обнаружили на корабле, прилетевшем с Марса.

– Все это очень и очень странно, – размышляла Сюзанна вслух. – Я пыталась вспомнить, когда я в последний раз была на работе. Это был день перед отпуском. Я даже могу восстановить кое-какие фрагменты. Некоторые – очень отчетливо. Я помню, как встала в то утро, как готовила себе завтрак, ела, просматривала газеты. Это так же свежо в моей памяти, как и завтрак, который был сегодня утром. Помню, как пошла в гараж, села в машину, завела ее... – Замолчав, она завороченно смотрела на карточку, сжимала ее в пальцах, словно пытаясь ощутить ими какую-то невидимую субстанцию, заключенную в этом пластмассовом прямоугольнике. – Я помню, как выехала на машине из гаража... и после этого помню уже только возвращение вечером на машине домой. В середине ничего нет, кроме черноты, пустоты. И это касается почти всех воспоминаний о моей работе, таков почти каждый день. Я пытаюсь за что-то ухватиться, но это ускользает от меня. Эти воспоминания не в тумане. Они просто не существуют.

Все еще продолжая стоять рядом с ее кроватью, доктор Макги заговорил мягким, ободряющим голосом:

– Конечно же, на самом деле эти воспоминания существуют, Сюзанна. Надо только хорошенько порыться в подсознании. Представьте себе, что вы сидите за рулем своей машины утром того дня.

– Я уже пробовала.

– Попробуйте еще раз.

Она закрыла глаза.

– Вероятно, это был обычный августовский день в южной Калифорнии. – Макги пытался помочь ей восстановить картину того утра. – Жара, голубое небо, возможно, легкая дымка.

– Жара, голубое небо – точно, – подтвердила Сюзанна. – А вот дымки не было, и на небе не было ни единого облачка.

– Итак, вы сели в машину и стали выезжать на шоссе. Попробуйте теперь вспомнить, по какой дороге вы поехали на работу.

Сюзанна молчала целую минуту. Затем промолвила:

– Бесполезно. Я не могу вспомнить.

– Как назывались те улицы, по которым вы ехали? – настаивал Макги.

– Не знаю.

– Да нет же, знаете. Назовите хотя бы одну улицу. Хотя бы одну, чтобы клубок начал разматываться.

Сюзанна изо всех сил пыталась ухватиться пусть за самый слабый след исчезнувшего из ее памяти куска жизни. Пыталась вспомнить чье-нибудь лицо, голос, деталь из обстановки комнаты на работе – все было тщетно.

– Простите, – призналась она, – но я не могу вспомнить ни одного названия улицы.

– Вы рассказывали, что выезжали на шоссе из гаража. Правильно? Если вы помните это, значит, вы должны помнить и то, куда вы поехали, когда оказались на шоссе. Вы свернули налево или направо?

С закрытыми глазами Сюзанна пыталась найти ответ на этот вопрос до тех пор, пока у нее снова не началась головная боль. Наконец она открыла глаза, посмотрела на Макги и, вздохнув, сказала:

– Я просто не знаю.

– Филипп Гомез, – произнес Макги.

– Что?

– Филипп Гомез.

– Кто это? Кто-нибудь из тех, кого я должна помнить?

– Это имя вам что-нибудь говорит?

– Нет.

– Так зовут вашего патрона в «Майлстоуне».

– Правда? – она попыталась представить себе Филиппа Гомеза. Но припомнить лицо этого человека ей не удалось. Ей не удалось также вспомнить что-либо о нем.

– Мой патрон? Филипп Гомез? Вы уверены в этом?

Макги засунул руки в карманы своего халата.

– После того как вы поступили в нашу больницу, мы попытались связаться с кем-нибудь из вашей семьи и обнаружили, что семьи у вас практически нет – у вас же нет близких родственников. Тогда мы позвонили к вам на работу. Я сам разговаривал с Филиппом Гомезом. По его словам, вы проработали в «Майлстоуне» больше четырех лет. Он был очень обеспокоен тем, что случилось с вами. Он даже звонил сюда сам четыре или пять раз и интересовался вашим здоровьем.

– Мы можем позвонить ему сейчас? – попросила Сюзанна. – Если я услышу его голос, может быть, мне удастся сдвинуть что-то в моей памяти. Может быть, это поможет мне.

– Да, но у меня нет номера его домашнего телефона, – сказал Макги. – Так что мы сможем позвонить ему только завтра на работу.

– Почему не сегодня?

– Сегодня воскресенье.

– О-о, – простонала Сюзанна.

Оказывается, она даже не знала, какой сейчас день недели, и это обстоятельство опять вывело ее из равновесия.

– Мы обязательно позвоним ему завтра, – заверил ее Макги.

– Что будет, если поговорю с ним и все равно не смогу вспомнить ничего о своей работе?

– Я уверен, что сможете.

– О, послушайте, не надо говорить со мной, как с маленькой девочкой. Давайте будем откровенны. О'кей? Ведь не исключено, что я так и не смогу ничего вспомнить о своей работе?

– Вряд ли это возможно.

– Но не исключено полностью?

– Ну... всякое бывает.

Она откинулась на подушки, внезапно почувствовав страшную усталость и огорчение.

– Послушайте, – продолжал Макги. – Даже если вы вообще ничего не вспомните о вашей работе в «Майлстоуне», это вовсе не значит, что вы не сможете туда вернуться. В конце концов, вы же не забыли физику, вы все еще являетесь компетентным специалистом в этой области. При вас осталось ваше образование, ваши знания. Вот если бы у вас была полная потеря памяти, если бы вы не умели даже читать и писать – это было бы ужасно. Но надо благодарить бога, что этого с вами не случилось. Пройдет какое-то время – и вы прекрасно все вспомните. Я просто уверен в этом.

Сюзанна надеялась, что доктор окажется прав. Сейчас ее некогда размеренная, расписанная до мелочей жизнь вышла из привычной колеи, и это очень угнетающе действовало на ее психику. Если этот сбой останется с ней на всю жизнь, она этого просто не вынесет. Она всегда управляла своей жизнью, она нуждалась во власти над обстоятельствами.

Макги вынул руки из карманов и взглянул на часы.

– Мне пора уходить. Я еще загляну к вам ненадолго, перед тем как уходить домой. А вы используйте это время для отдыха, если захотите, – доешьте то, что не доели из обеда. И главное – не расстраивайтесь. Вы все вспомните о «Майлстоуне», когда придет время.

Совершенно неожиданно, слушая слова Макги, Сюзанна поймала себя на мысли, что будет лучше, если она вообще никогда ничего не вспомнит о «Майлстоуне», она даже не могла понять, откуда к ней явилась эта нелепая мысль. Ее вдруг охватил озноб, она почувствовала страшный холод, которому невозможно было найти объяснения.

Сюзанна проспала часа два. Никакие сны ей на этот раз не снились или снились, но она их не запомнила.

Она почувствовала, что во время сна покрылась испариной. Волосы на голове спутались. Пытаясь расчесать их расческой, она несколько раз вскрикнула от боли.

Сюзанна как раз закончила приводить себя в порядок, когда в палату вошла миссис Бейкер, толкая перед собой инвалидную коляску.

– Ну вот и пришло время попутешествовать немного, деточка.

– Куда мы отправимся?

– О, всего лишь исследуем коридоры и закоулки экзотического третьего этажа этого романтического, загадочного, фантастического места, которое называется окружная больница Уиллауока, – патетически провозгласила миссис Бейкер. – Путешествие будет незабываемым. Вы получите массу удовольствий. Кстати, доктор пожелал, чтобы вы начали привыкать к движению.

– Я не очень-то привыкну, если буду сидеть в этой коляске.

– Вы, может быть, мне не поверите, но, даже сидя в коляске, глядя на больницу, на других пациентов, вы страшно устанете. Вы же далеко не в той форме, в какой находятся олимпийские чемпионы, сами должны это понимать.

– Но я уверена, что смогу идти самостоятельно, – упорствовала Сюзанна. – Меня надо только слегка поддержать, вы же позволите мне слегка опереться на вашу руку, а затем я смогу...

– Завтра вы сможете попробовать сделать пару шагов, – перебила ее миссис Бейкер, опуская боковое ограждение кровати. – А сегодня вам придется довольствоваться прогулкой на транспорте, а я сыграю роль шофера.

Сюзанна изобразила на лице недовольство.

– Нет ничего хуже, чем быть инвалидом.

– О, бога ради, вы же совсем не инвалид, у вас просто временная слабость.

– И это тоже мне не по душе.

Миссис Бейкер установила кресло возле кровати.

– Во-первых, я попрошу вас сесть на край кровати и пару минут подвигать ногами.

– Зачем?

– Чтобы слегка размять мышцы ног.

Сидя на кровати безо всякой опоры за спиной, Сюзанна чувствовала себя неуверенной и ослабевшей. Руками она вцепилась в матрас, так как боялась соскользнуть на пол.

– С вами все нормально? – поинтересовалась миссис Бейкер.

– Да, все отлично, – пытаюсь изобразить бодрость в голосе, отозвалась Сюзанна.

– Тогда продолжайте разминать ноги, милая.

Сюзанна болтала ногами, и ей казалось, что к каждой из них подвешено по чугунной гире.

Наконец миссис Бейкер скомандовала:

– Ну, пожалуй, достаточно.

Сюзанна, к своему огорчению, обнаружила, что даже от этого легкого упражнения она вспотела. К тому же она уже чувствовала себя утомленной. Несмотря на это, вслух она заявила:

– Я уверена, что смогу идти самостоятельно.

– Завтра, это будет завтра, – сказала миссис Бейкер.

– Но я действительно чувствую себя хорошо.

Миссис Бейкер направилась к стенному шкафу и достала оттуда халат, вполне подходящий по цвету к пижаме Сюзанны. Пока та надевала халат, медсестра отыскала в шкафу пару шлепанцев и помогла нацепить их на ослабевшие ноги пациентки.

– Теперь все в порядке, милочка. Начинайте потихоньку сползать с кровати, опирайтесь на меня, а я помогу вам сесть в коляску.

Поднимаясь с кровати, Сюзанна попыталась вопреки указаниям медсестры самостоятельно сделать пару шагов, чтобы доказать, что она вовсе не инвалид. Но как только ее ступни коснулись пола, она сразу же поняла, что ноги ни за что не выдержат ее веса – они, казавшиеся еще минуту назад сделанными из чугуна, теперь гнулись подобно тростнику. Решив не рисковать и не позориться перед миссис Бейкер, Сюзанна схватилась покрепче за руку медсестры и позволила перенести себя в кресло-коляску, словно маленького ребенка.

Миссис Бейкер лукаво подмигнула.

– Ну как? Вы все еще думаете, что одолеете пару миль бегом?

Сюзанне было и смешно, и грустно от ее никчемного упрямства. Улыбнувшись и покраснев, она ответила:

– Отложим забег до завтра. А завтра – вот увидите – я пройду сама столько, что протру эти шлепанцы до дыр. Вот посмотрите.

– Да, милая, не знаю, сколько в тебе здравого смысла, но уверена в одном – силы воли у тебя столько, что тебе можно только по-хорошему позавидовать.

Миссис Бейкер встала за спинку кресла-коляски и вывезла ее из палаты. Поначалу от движения Сюзанну слегка подташнивало, но вскоре она сумела справиться с неприятными ощущениями.

Больница была выстроена в виде буквы Т, а палата Сюзанны находилась в правом крыле более короткой части здания. Вскоре они преодолели пересечение коридоров и выбрались в прямой и длинный коридор, который вел к основанию буквы Т.

Даже сам факт перемещения из палаты в коридоры больницы подействовал на Сюзанну успокаивающе, ободряюще. Полы в коридорах были выложены темно-зеленой виниловой плиткой, стены на высоту трех футов покрашены в гармонирующий с полом цвет, а выше – в светло-зеленый, тем же цветом был покрашен и потолок. Все это давало ощущение глубины пространства, чувство простора. В коридорах царила такая же стерильная чистота, как и в палате Сюзанны. Она вспомнила огромную больницу в Филадельфии, в которой умирал от рака ее отец, – там все было таким обветшавшим, неухоженным и неудобным, покрытым пылью и трещинами, что Сюзанна поблагодарила небо за то, что попала в окружающую больницу Уиллауока.

Врачи, медсестры, санитары также своим поведением отличались от тех, что она видела в больнице, где умер ее отец. Все эти люди при встрече с ней улыбались. На лице у каждого читалась участливость, желание помочь. За то время, пока она объезжала коридоры больницы, несколько человек успели обменяться с ней дружескими приветствиями, интересовались, как она себя чувствует, и желали ей скорого выздоровления.

Миссис Бейкер довезла Сюзанну до конца длинного коридора и повернула обратно. Усталость уже брала свое, но Сюзанна чувствовала, что болезнь отступает от нее с каждым часом. Сегодня ей было гораздо лучше, чем вчера, а в этот послеобеденный час лучше, чем утром. Будущее теперь рисовалось ей в куда более радужных тонах.

Прекрасное настроение внезапно исчезло, с неожиданностью ружейного выстрела.

Они как раз проезжали мимо одного из сестринских постов – он находился в середине коридора, – когда двери располагавшегося здесь же лифта открылись и в коридор вышел мужчина, который оказался прямо на пути кресла-коляски. Он был одет как обычный больной: полосатая пижама, коричневый халат, на ногах – шлепанцы. Миссис Бейкер остановила кресло-коляску, чтобы дать ему дорогу. Сюзанна вгляделась в человека, стоящего перед ней, и едва удержалась от того, чтобы не закричать от ужаса. Она готова была кричать, но не могла. Леденящий, парализующий страх сковал все ее тело.

Его звали Эрнест Харш. Широкие плечи, квадратное лицо с грубыми чертами и глаза цвета грязного льда.

Когда она повторяла в суде свои свидетельские показания, направленные против него, он сверлил ее вот этими ледяными глазами и не отвел их в сторону ни на секунду. Она без труда поняла, что он хотел выразить своим устрашающим взглядом: *ты еще очень и очень пожалеешь о той минуте, когда решила дать свидетельские показания.*

Но это было тринадцать лет назад. Она тогда еще приняла все меры, чтобы этот человек не нашел ее, когда выйдет из тюрьмы. Она уже давно перестала бояться.

И вот он здесь.

Он смотрел на нее сверху вниз. Сюзанна беспомощно застыла в своем кресле под взглядом безжалостных глаз, в которых ясно читалось – он ее узнал. Несмотря на прошедшие годы, несмотря на ее изможденный вид, он узнал ее.

Она хотела бы вскочить с кресла и бежать куда глаза глядят. Но страх парализовал ее, она не могла двинуться с места. С тех пор как открылась дверь лифта, прошло секунды две, не более, но они показались ей бесконечными. Время словно перестало течь и застыло.

Харш изобразил на своем лице улыбку. Кому-то другому, но только не Сюзанне, эта улыбка могла бы показаться совершенно невинной, даже дружеской. Но она ясно видела в ней ненависть и угрозу.

Эрнест Харш отвечал за проведение испытаний для новичков в студенческом обществе, в которое так хотел вступить Джерри Штейн. Именно Эрнест Харш убил Джерри Штейна. Он убил его не случайно. Это было преднамеренное хладнокровное убийство. Убийство в «Доме Грома».

И вот теперь, сохраняя на лице улыбку, этот человек подмигивает Сюзанне.

Страх на какое-то мгновение ослабил свою власть над ее телом, и ей удалось найти в себе силы и, опершись на кресло, встать на ноги. Она сделала один шаг, пытаясь уйти от Харша, пытаясь убежать от него, она слышала за спиной удивленный возглас миссис Бейкер. Она попыталась сделать второй шаг, она словно брела по быстрому потоку – и вот этот поток уже сшиб ее с ног. Она падала, но в последнюю секунду кто-то сумел подхватить ее.

В том мраке, который снова начал распускать свои крылья над ее сознанием, Сюзанна еще успела разглядеть, что Эрнест Харш был одним из тех, что держал ее. Она была у него в руках. Она посмотрела вверх, в его огромное, как луна, лицо.

Затем полная темнота заслонила от нее все происходящее.

Глава 4

– Вам угрожает опасность? – недоумевал Макги.

Миссис Бейкер, стоявшая возле задней спинки кровати, нахмурилась.

Сюзанна изо всех сил пыталась выглядеть спокойной и убедительной. Она отдавала себе отчет в том, что рассказ истеричной женщины никто не воспримет всерьез, тем более если эта женщина перенесла травму головы. Все ее слова могут вполне счесть за бред. Поэтому очень важно, чтобы Макги поверил ей сразу.

Очнувшись в своей палате буквально через несколько минут, после того как потеряла сознание в коридоре. Открыв глаза, она увидела, что Макги меряет ей давление. Она набралась терпения и дождалась, пока он закончит процедуру, затем начала свой рассказ об опасности, которая ей отныне угрожает.

Макги стоял сбоку от кровати, держась рукой за боковую стенку. Он слегка наклонился вперед, на шее у него болтался стетоскоп.

– Кто вам угрожает?

– Тот человек.

– Какой?

– Мужчина, который встретился нам возле лифта.

Макги вопросительно посмотрел на миссис Бейкер.

Медсестра пояснила:

– Это был один из пациентов.

– И вы полагаете, что он может быть опасен для вас? – Макги задавал вопросы, всем своим видом выражая крайнее недоумение.

Сюзанна, нервно теребя воротничок пижамы, начала свой рассказ:

– Доктор Макги, вы помните, наверное, я говорила о моем друге, которого звали Джерри Штейн?

– Конечно, помню. Тот юноша, с которым вы были почти помолвлены.

Сюзанна кивнула.

– Он погиб совсем нелепо – когда хотел вступить в какое-то студенческое общество.

– Да что вы! – с чувством воскликнула миссис Бейкер, она впервые услышала о Джерри. – Какой ужас!

У Сюзанны пересохло в горле. Она судорожно попыталась справиться с собой и продолжала:

– В студенческом обществе это называлось «испытанием через унижение». Испытуемый должен был вытерпеть какой-нибудь унижительный для него обряд в присутствии девушки, с которой он в это время дружит. Он ничем не должен выдать своего недовольства перед теми, кто его унижает. Так вот, Джерри и меня привели в одну из пещер в паре миль от студенческого городка Брайерстеда. Это было обычное место для испытаний новичков, там все было как будто нарочно предусмотрено для idiotских представлений. Надо сказать, что я долго не соглашалась туда идти. Я с самого начала не хотела участвовать в этом спектакле. Не потому, что мне что-то угрожало, нет. Кстати, сначала ничто не предвещало беды, все были настроены на развлечение, на игру. Джерри так не терпелось, чтобы это началось поскорей. А я, где-то на подсознательном уровне, предчувствовала... что-то нехорошее. Кроме того, как мне показалось, те ребята, которые должны были исполнять этот ритуал, приняли внутрь порядочную дозу спиртного. Я даже не хотела садиться к ним в машину. Но в конце концов они уговорили меня, и мы поехали – ведь Джерри так стремился вступить в это общество; я не желала быть ему помехой.

Сюзанна посмотрела в окно на пасмурное сентябрьское небо. Поднялся ветер, он раскачивал верхушки высоких елей.

Она не любила рассказывать о смерти Джерри. Но сейчас у нее не было другого выхода – она должна была рассказать все, чтобы Макги и миссис Бейкер поняли, почему Эрнест Харш представляет для нее серьезную, очень серьезную угрозу.

Она продолжала:

– Меловые пещеры близ Брайерстеда имеют внушительные размеры. Там существуют то ли восемь, то ли десять подземных залов. Может быть, их даже больше – не знаю. Некоторые залы просто огромны. В них очень сыро, темно и пахнет плесенью, должно быть, это настоящий рай для спелеологов.

Подталкивая ее к продолжению рассказа, Макги произнес:

– Эти огромные пещеры, должно быть, пользуются популярностью у туристов, но я никогда о них ничего не слышал.

– О нет, там никто ничего не организовывал для туристов, то вовсе не то, что Карлсбадские пещеры или пещеры в Люре. Место это малопривлекательно из-за страшной сырости и однообразия меловых стен. Единственное, что отличает пещеры в Брайерстеде, – это размеры. Самая большая из них величиной с готический собор. Индейцы племени шоуни даже дали ей название – «Дом Грома».

– Грома? – переспросил Макги. – Почему?

– В одном из углов этой пещеры с большой высоты низвергается подземный водопад, звук которого многократно отражается от меловых стен, так что в этой пещере как бы постоянно гремит гром.

Сюзанна настолько живо представила себе эту пещеру, что ее вмиг словно окутал сырой знобящий воздух. Она содрогнулась и повыше натянула на себя одеяло.

Ее глаза встретились со взглядом Макги. В его глазах читалось понимание и сочувствие... Она ясно видела, что он полностью отдает себе отчет в том, как тяжело ей рассказывать о Джерри Штейне.

Те же чувства выражало и лицо миссис Бейкер. Казалось, медсестра в любой момент может совсем расчувствоваться, наклониться к ней и, обняв, защитить от опасности.

Макги вновь мягко напомнил Сюзанне о прерванной истории:

– Так, значит, обряд унижения должен был состояться в «Доме Грома»?

– Да. Уже наступила ночь. Мы продвигались к пещере, освещая себе путь фонариками, а когда пришли на место, то зажгли свечи и расставили их на камнях вокруг площадки. Там были только я, Джерри и четверо ребят из студенческого общества. Я никогда не забуду ни их имен, ни как они выглядели. Их звали Карл Джеллико, Герберт Паркер, Рэнди Ли Куинс... и Эрнест Харш. Харш в тот год исполнял обязанности магистра студенческого общества.

С улицы начали доноситься раскаты грома, небо за окном быстро темнело. Серые тени вылезли из углов палаты и, казалось, готовы были вот-вот захватить комнату в свою власть.

Сюзанна вновь заговорила. Макги зажег настольную лампу.

– Как только мы пришли в пещеру и зажгли свечи, Харш и его приятели вновь приложились к фляжкам с виски, которые они захватили с собой. Они и так уже хорошо поднабрались и продолжали пить все время, пока длилось это испытание. Чем пьянее они становились, тем отвратительнее казался мне этот обряд. Поначалу они просто слегка поиздевались над Джерри, но не выходили за рамки, и все это можно было счесть за шутку, хотя и не совсем удачную. Но чем дальше, тем издевательство их становилось все безобразней... все изощренней. В какой-то момент они даже позабыли о приличиях. Это было просто *грязно*. Я чувствовала себя ужасно и не знала, что делать. Я хотела уйти, и об этом же просил негодяев Джерри, но они непустили меня, не дали мне ни фонаря, ни свечи. Я бы не смогла выбраться на поверхность в этой непроглядной темноте, поэтому мне пришлось остаться.

Когда они начали издеваться над еврейским происхождением Джерри, то они уже не шутили, и я поняла, что дело может принять очень плохой оборот. К тому времени они уже были пьяны до безобразия. Но их подталкивал вовсе не хмель. Или, во всяком случае, не только хмель. Я вам говорила о ненависти, которая убила Джерри. Так вот, эта ненависть, ненависть к евреям, была не случайной, она была у всех четверых, а особенно у Эрнеста Харша, в крови.

В Брайерстедде не было привычного для большинства университетов смешения разных языков и культур, – продолжала Сюзанна. – Евреев там было совсем мало, а в обществе, куда хотел вступить Джерри, их не было вовсе. И не потому, что законы этого общества предписывали этот запрет, нет. Несколько лет назад в это общество приняли несколько евреев, и все было нормально. Большинство членов общества выступали за то, чтобы принять в свои ряды Джерри. Против были только Харш и трое его приятелей, они-то и решили, что не допустят Джерри, устроив ему настолько тяжелые испытания, что он сам откажется от своей затеи. Испытания должны были длиться целый месяц, и «унижение» в «Доме Грома» являлось только началом в их длинной цепи. Они не планировали убить Джерри. Во всяком случае, они не думали об этом вначале, когда привели его в пещеру, когда по-свински напились. Они, вероятно, хотели унижить его, втоптать в грязь. Они хотели показать ему, с кем он связался, они хотели запугать его, внушить ему мысль об отказе от своих планов. После словесных издевательств они принялись избивать Джерри. Они окружили его и стали по очереди толкать, пытаясь одновременно сбить его с ног. Джерри, конечно же, понял, что это никакое не испытание, но он никогда не был трусом и ответил им ударом на удар. Это, видимо, совсем вывело их из себя. Они продолжали бить его, и тогда он ударил Харша и разбил ему в кровь губу.

– И тогда они словно с цепи сорвались, – предположил Макги.

– Да, и тогда они совсем рассвирепели.

За окном прогрехотал гром, вслед за этим мигнул свет лампы в палате, и Сюзанне показалось, что какая-то сверхъестественная сила несет ее назад, в прошлое, в переполненную громовым грохотом пещеру.

Она сказала:

– Что-то в самой этой пещере – ее мрак, сырость, постоянный грохот, изолированность от внешнего мира – развязало в этих людях дремлющие в них дикие инстинкты. Они начали по-настоящему избивать Джерри... сбили его с ног и продолжали бить лежащего. – Сюзанна вздрогнула. Дрожь перешла в озноб, она почувствовала ужас и омерзение от нахлынувших воспоминаний. – Они напоминали диких собак, набросившихся всей стаей на чужака, – еле сдерживая себя, промолвила она. – Я... я пыталась кричать... но это не могло их остановить. В конце концов Карл Джеллико вроде бы осознал, что они зашли слишком далеко, и отошел в сторону. Вслед за ним прекратили это издевательство Куинс и Паркер. Харш был последним, кто опомнился, и он же первый понял, что всем им грозит теперь тюрьма. Джерри уже лежал без сознания. Он был...

Голос Сюзанны сорвался, она не могла говорить.

Как будто не было этих тринадцати лет, казалось, все совершилось вчера.

– Продолжайте, – спокойно сказал Макги.

– У него... кровь текла из носа... изо рта... из ушей. Он был очень сильно избит. Он был без сознания, но все тело его как-то странно подергивалось. Наверное, у него была сильная травма мозга. Я попыталась...

– Продолжайте, Сюзанна.

– Я попыталась приблизиться к Джерри, но Харш оттолкнул меня и сбил с ног. Он начал втолковывать остальным, что надо действовать, иначе им всем не миновать тюрьмы. Он говорил, что теперь все их планы рухнули, что у них нет будущего... если только они

не сумеют скрыть то, что сделали. Он пытался убедить их, что им необходимо прикончить Джерри, а затем убить меня и сбросить трупы в одну из глубоких расщелин, имевшихся в пещере. Джеллико, Паркер и Куинс наполовину протрезвели от происшедшего, но хмель еще сильно действовал на них, они были растеряны и запуганы. Поначалу они возражали Харшу, а затем согласились с ним, но после недолгих раздумий опять начали спорить. Они боялись убивать, но не меньше боялись и оставить все как есть. Харш был вне себя, его раздражала их трусость. Он решил заставить их действовать, лишив возможности выбора. Он подошел к Джерри и... он...

Ей стало дурно, когда она вспомнила о происшедшем.

Макги сжал ее руку в своей.

Сюзанна проговорила:

– Он ударил Джерри... в голову... три раза... и пробил ему череп.

Миссис Бейкер охнула.

– Он убил его, – выкрикнула Сюзанна.

За окном молния прорезала небо, и сквозь трещину в небесах на волю вырвался гром. Первые крупные капли дождя ударили в стекло.

Макги еще крепче сжал руку Сюзанны.

– Я подхватила с земли один из фонарей и бросилась бежать, – продолжала она, – они смотрели только на тело Джерри, и это позволило мне оторваться от погони. Ненамного, но оторваться. Они думали, что я побегу к выходу из пещеры, но я выбрала другой путь, так как знала, что у выхода они непременно схватят меня. Таким образом, мне удалось выиграть еще несколько секунд. Я все глубже забиралась в пещеры по извилистым подземным коридорам. Пол местами был покатым... сначала я оказалась в одной большой пещере, затем в другой, расположенной еще ниже. К счастью, я сообразила, что мне лучше выключить фонарик, чтобы им труднее было за мной следить. Я шла на ощупь, спотыкаясь, до тех пор, пока не нашла возле одного из сталагмитов небольшую нишу в стене. Я нырнула в нее и замерла. Харш и его приятели еще несколько часов прочесывали пещеры, пока наконец не решили, что мне удалось каким-то образом выбраться наружу. Я прождала еще часов шесть, боясь покинуть свое убежище. Выбралась наверх только тогда, когда была уже не в силах бороться с жаждой и клаустрофобией.

Дождь на улице пошел вовсю, затуманив растрепанные ветром деревья и лохматые черные тучи.

– Боже мой! – воскликнула миссис Бейкер, ее лицо было мертвенно-бледным. – Бедная девушка!

– Их судили? – спросил Макги.

– Да. Прокурор округа полагал, что он не сможет добиться наказания, если выдвинет обвинение в тяжком преднамеренном убийстве. Было слишком много смягчающих обстоятельств, в том числе сильное опьянение обвиняемых и тот факт, что Джерри ударил первым и повредил Харшу губу. Так или иначе, Харш был обвинен в непреднамеренном убийстве и приговорен к пяти годам лишения свободы в тюрьме штата.

– Всего к пяти годам? – переспросила миссис Бейкер.

– Я-то полагала, что он вполне заслуживает пожизненного заключения, – сказала Сюзанна с той же горечью в голосе, которая захлестнула ее тринадцать лет назад, когда она услышала решение суда.

– Что стало с тремя остальными? – поинтересовался Макги.

– Их обвинили в покушении на убийство и в пособничестве Харшу, но, исходя из того, что прежде они никогда не привлекались к уголовной ответственности и все были из благополучных семей, а также из-за того, что ни один из них не нанес смертельного удара, все они были приговорены условно и отпущены из-под стражи в зале суда.

– Чудовищно! – только и могла сказать миссис Бейкер.

Макги продолжал сжимать руку Сюзанны в своей руке; она была благодарна ему за этот жест поддержки.

– Конечно же, все четверо были немедленно исключены из Брайерстеда. И, что удивительно, судьба все-таки наказала Паркера и Джеллико. В Брайерстеде они учились на предпоследнем курсе и сумели каким-то образом закончить последний год в другом учебном заведении. Но после этого выяснилось, что ни один из нормальных медицинских институтов не принимает документы от людей, совершивших серьезные уголовные преступления. Они перепробовали все варианты и наконец сумели поступить в какой-то второразрядный медицинский институт. Так вот, в тот вечер, когда они получили письмо о приеме их в институт, они напились и оба погибли в автомобильной катастрофе из-за того, что пьяный Паркер не справился с управлением. Может быть, нельзя так говорить, но мне стало легче, когда я услышала о случившемся.

– И вы были правы, – поддержала ее миссис Бейкер. – Это совершенно естественно. Нормальный человек отреагировал бы именно так.

– Остался еще Рэнди Ли Куинс, – напомнил Макги.

– Я ничего о нем не слышала, – призналась Сюзанна. – Мне, впрочем, все равно, я знаю, что рано или поздно судьба и его накажет.

Две последовавшие друг за другом вспышки молний с раскатами грома словно взорвали мерный рокот дождя за окном. Сюзанна, Макги и миссис Бейкер повернулись к окну и какое-то время вслушивались в усиливавшийся шум дождя.

Затем миссис Бейкер нарушила молчание:

– Ужасный случай, просто ужасный. Но я не совсем поняла, какое отношение он имеет к вашему обмороку в коридоре.

Прежде чем Сюзанна начала отвечать, Макги произнес:

– Судя по всему, тот человек, который вышел из лифта и оказался прямо перед Сюзанной, был одним из участников кровавого события в Брайерстеде.

– Да, именно так, – подтвердила Сюзанна.

– Это мог быть или Харш, или Куинс.

– Эрнест Харш, – сказала Сюзанна.

– Невероятное совпадение, – воскликнул Макги, напоследок пожав еще раз ладонь Сюзанны и выпустив ее. – Прошло целых тринадцать лет. И вы видели его в последний раз за тысячи миль отсюда.

Миссис Бейкер нахмурилась.

– Вы скорее всего перепутали этого человека с Харшем.

– О нет, – решительно отвергла это предположение Сюзанна. – Я никогда не забуду его лицо. Никогда.

– Но фамилия этого человека вовсе не Харш, – настаивала миссис Бейкер.

– Не может быть!

– Я точно вам говорю. Его фамилия Ричмонд. Билл Ричмонд.

– Значит, он успел сменить фамилию.

– Я не думаю, что злостный преступник смог бы это проделать, – покачала головой миссис Бейкер.

– Я не имею в виду, что он проделал это в официальном порядке, через суд, – пояснила Сюзанна, расстроенная нежеланием медсестры поверить ей. – Но это действительно был Харш.

– По какому поводу поступил в нашу больницу этот пациент? – спросил Макги у миссис Бейкер.

– Ему завтра предстоит операция, – ответила медсестра. – Доктор Витецкий будет удалять ему две кисты в области поясницы.

– Не в области позвоночника?

– Нет. В жировых тканях. Довольно крупные по размеру.

– Доброкачественные? – уточнил Макги.

– Да. Но я предполагаю, что они доставляют ему немало беспокойства, так как глубоко укоренились в теле.

– Он поступил сегодня утром?

– Да.

– И его фамилия Ричмонд. Вы уверены в этом?

– Да.

– Но раньше его фамилия была Харш, – настаивала на своем Сюзанна.

Миссис Бейкер сняла очки и оставила их болтаться у нее на груди на цепочке. Она потерла переносицу, испытующе посмотрела на Сюзанну и спросила:

– Сколько лет было этому Харшу в момент убийства Джерри Штейна?

– Он был самым старшим по возрасту среди студентов своего курса, – ответила Сюзанна. – То есть ему исполнился двадцать один год.

– Тогда мне понятно, в чем ошибка, – облегченно вздохнула медсестра.

– В чем? – спросил Макги.

Миссис Бейкер вновь нацепила очки на нос и объяснила:

– Дело в том, что Биллу Ричмонду едва исполнилось двадцать лет.

– Этого не может быть, – прошептала Сюзанна.

– Вспомнила. Ему как раз двадцать один год. То есть когда убили Джерри Штейна, ему было от силы восемь лет.

– Но ему не может быть столько лет, – возбужденно воскликнула Сюзанна. – Ему сейчас тридцать четыре года.

– Да, он действительно не выглядит как мужчина, которому исполнился двадцать один год, – согласилась медсестра. – Он выглядит гораздо моложе. Гораздо моложе. Он скорее напоминает ребенка. И если он по какой-то причине скрывает сейчас свой возраст, то уж наверняка прибавляет себе несколько лет, но никак не отнимает.

Темнота за окнами опять осветилась молнией, и новый раскат грома прокатился по мрачному небу. Доктор Макги посмотрел на Сюзанну и спросил:

– На сколько лет выглядел человек, напугавший вас около лифта?

Она начала обдумывать ответ, чувствуя, как с каждой секундой сердце уходит в пятки.

– Ну... он выглядел *точно так же*, как Эрнест Харш.

– Точно так же, как выглядел Эрнест Харш тринадцать лет назад?

– О-о... да.

– Он выглядел как студент, которому совсем недавно исполнился двадцать один год?

Сюзанна в ответ обреченно кивнула.

Макги продолжал уточнять:

– Таким образом получается, что вам он не показался человеком тридцати четырех лет?

– Нет. Но, может быть, он так хорошо сохранился. Иногда тридцатилетние выглядят лет на десять моложе. – Сюзанна была смущена явным несоответствием возраста, но насчет личности человека у нее не было никаких сомнений. – Это точно Харш.

– Может быть, здесь просто случай сильного сходства двух людей? – предположила миссис Бейкер.

– Нет-нет, – настаивала на своем Сюзанна. – Это он, здесь не может быть сомнений. Я узнала его и увидела по его глазам, что он узнал меня. И теперь я вновь чувствую, что мне

угрожает опасность. Ведь именно из-за моих показаний он отправился в тюрьму. Если бы вы только видели его, когда он сверлил меня глазами в зале суда...

Макги и миссис Бейкер застыли в молчании, устремив взгляды на Сюзанну, и в этих взглядах было что-то очень напоминающее ей все тот же зал суда, когда она стояла и слушала приговор. Она какое-то время смотрела в глаза своих собеседников, но затем отвела взгляд в сторону, так как не могла вынести тяжести сомнений, которые без труда читались в их глазах в ходе этого безмолвного диалога.

– Послушайте, – нарушил молчание Макги. – Я сейчас пойду и посмотрю документы на этого пациента. Может быть, даже поговорю с ним самим. Надеюсь, это каким-то образом разъяснит ситуацию.

– Да, я в этом уверена, – выдохнула Сюзанна, понимая всю безнадежность своего положения.

– Если он действительно окажется Харшем, мы примем меры, чтобы он не смог приблизиться к вашей палате. А если это совершенно другой человек, вы сможете вздохнуть свободно и больше не будете об этом беспокоиться.

«Но это же он, черт возьми!»

Так подумала Сюзанна, но вслух не сказала ничего, только кивнула Макги.

– Я вернусь через несколько минут, – сказал он.

Сюзанна молча рассматривала свои бледные, исхудавшие руки.

– С вами все будет в порядке? – уточнил Макги.

– О да. Будьте уверены.

Она почувствовала, что между медсестрой и врачом состоялся какой-то безмолвный диалог, но глаз не поднимала.

Макги вышел из палаты.

– Сейчас все очень быстро прояснится, моя милая, – успокаивающим тоном промолвила миссис Бейкер.

За окнами новый раскат грома сорвался с неба с грохотом падающей лавины.

Близилась ночь. Буря за окном унесла с собой последние отсветы осеннего дня. Сумерки надвинулись раньше обычного.

– Его зовут Билл Ричмонд, и это совершенно точно, – было первое, что произнес Макги, когда вернулся в палату.

Сюзанна почувствовала, как ее тело безвольно обмякло в кровати, но все еще не могла поверить.

Они были теперь вдвоем в палате. Было время пересменки, и миссис Бейкер отправилась домой.

Макги вертел в руках стетоскоп.

– И возраст этого человека – совершенно точно – двадцать один год.

– Но, насколько я могу понять, вы отсутствовали недолго, значит, ваши выводы основываются только на том, что вы смогли прочесть в медицинской карте. Это ничего не доказывает. Этот человек вполне мог ввести доктора в заблуждение, поверьте мне.

– Да, но оказалось, что Леон – я имею в виду доктора Витецкого – знал даже родителей этого парня.

Их звали Грейс и Гарри Ричмонд, и они были его пациентами на протяжении двадцати пяти лет. Витецкий сказал, что он принимал роды у Грейс Ричмонд трижды. И это происходило в этой самой больнице.

Уверенность в своей правоте таяла, Сюзанна начала сомневаться в том, что еще минуту назад казалось ей неоспоримым.

Макги продолжал:

– Леон в качестве семейного доктора лечил все детские болезни Билла Ричмонда. Он уверен на сто процентов в том, что тринадцать лет назад, когда Эрнест Харш убил Джерри Штейна, Биллу Ричмонду было восемь лет и он занимался тем, чем занимаются все восьмилетние дети. И жил он тогда здесь, а вовсе не в Пенсильвании.

– За три тысячи миль отсюда, – эхом отозвалась Сюзанна.

– Вот именно.

Сюзанна казалась сломленной под тяжким грузом сомнений и тревоги.

– Но он выглядит точно так же, как Харш. Когда он сегодня днем вышел из лифта мне навстречу, когда я посмотрела в его глаза, в его проклятые серые глаза, клянусь...

– О, я уверен, что вы бы не стали поднимать панику, если бы не было серьезной причины, – без тени иронии сказал Макги. – Я уверен, что это просто случай абсолютного сходства.

Несмотря на весьма дружелюбные чувства к Макги, в данный момент Сюзанна была обижена на него из-за небольшого оттенка превосходства, который она уловила в его тоне. Волнение и обида придали ей сил, она выпрямила спину и, чтобы показать свою решимость, уперлась руками в бока.

– Это не просто сходство. Он как две капли воды похож на Харша.

– Да, конечно, но вы не должны забывать о том, что с тех пор, как вы видели убийцу, прошло довольно много времени.

– Что из этого?

– Вы вполне могли забыть что-нибудь из его облика.

– О нет, я помню его. Великолепно помню. Этот Ричмонд одного с ним роста, наверняка одного веса и сложен он точно так же, как Харш.

– У него довольно распространенный тип фигуры.

– Такие же светлые волосы, такое же квадратное лицо, такие же глаза. Такие светло-серые, почти прозрачные. Много людей с такими глазами? Нет. Если их сравнивать, то Билл Ричмонд и Эрнест Харш – двойники. Это не простое сходство. Это гораздо загадочней. Это просто дьявольское сходство.

– О'кей, о'кей, – Макги жестом руки остановил Сюзанну. – Возможно, они поразительно похожи друг на друга, возможно, они – двойники. Если мы имеем дело с таким случаем, значит, просто произошло удивительное совпадение – вы встретили в своей жизни двух одинаковых людей, встретили их в разное время, в разных концах страны; но это все равно не более чем совпадение.

Руки Сюзанны похолодели. Они превратились в две ледышки. Она потеряла ладони, пытаясь согреть их.

– Если уже речь зашла о совпадениях, – сказала она, – то тут я согласна с Филиппом Марло.

– С кем?

– С Марло. Это частный детектив из романов Раймонда Чандлера. «Девушка в озере», «Большая спячка», «Долгое прощание»...

– Ах да, конечно, Марло. О'кей, так что он говорил о совпадениях?

– Он говорил: «Дайте мне расследовать какое-либо совпадение. Когда я раскрою его тайный смысл, то в нем окажутся замешанными, как минимум, двое людей, задумавших повернуть темное дельце».

Макги нахмурился и покачал головой.

– Это философия подходит для персонажа из детектива. В реальной жизни такой взгляд на вещи похож на паранойю, вам не кажется?

Он был прав, Сюзанна не могла долго сердиться на него. По мере того, как ее обида уходила, ее покидали и силы, и она все глубже оседала в подушки.

– Разве могут двое людей быть до такой степени похожими друг на друга?

– Я слышал о теории, по которой у каждого человека на земле есть где-то двойник. Это то, что люди называют вторым «я».

– Наверное, так бывает, – промолвила Сюзанна, не убежденная до конца. – Но здесь все было... по-другому. Это было очень странно. Я поклянусь чем угодно, что он узнал меня. Он так странно улыбался. И еще... он мне *подмигнул!*

В первый раз Макги рассмеялся.

– Подмигнул вам? Ну знаете, в этом нет ничего странного или загадочного, милая моя. – В его голубых глазах сверкали веселые искорки. – Если вам еще об этом неизвестно, то знайте – мужчины очень часто подмигивают привлекательным женщинам. Только не рассказывайте мне, что вам раньше никто не подмигивал. Не рассказывайте мне, что вы всю жизнь провели в женском монастыре или на необитаемом острове. – Макги вновь рассмеялся.

– Но сейчас во мне нет ничего привлекательного, – настаивала на своем Сюзанна.

– Чепуха.

– Мне надо еще обязательно вымыть голову по-настоящему, а не при помощи этого талька. Кроме того, я страшно похудела, у меня круги под глазами. Мне что-то с трудом верится, что в таком состоянии я могу вызвать у кого-либо романтические чувства.

– Вы себя недооцениваете. Разве у вас изможденный вид? Да нет, вы просто вылитая Одри Хепберн⁵.

Сюзанне пришлось сдерживать себя, чтобы не поддаться на комплимент. Она решила высказать до конца все то, что мучило ее.

– Надо сказать, что это было совсем не то подмигивание, о котором вы говорите.

– А-а-а! – продолжал шутить Макги. – Так, значит, вы все-таки признаете, что вам подмигивали мужчины. Вы, кажется, уже эксперт по подмигиваниям?

Сюзанна не поддержала шутливого настроения доктора и своим молчанием дала понять, что к человеку, испугавшему ее сегодня у лифта, относится серьезно.

– Так все же, как он вам подмигнул? – спросил доктор, все еще сохраняя смешливость.

– Он подмигнул мне зловеще. У меня мороз прошел по коже от его взгляда. Ни о каком флирте не могло быть и речи. И это было, конечно, никакое не дружеское подмигивание. Он дал понять, что ничего хорошего меня не ждет. Это была неприкрытая злоба... и угроза, – попыталась объяснить свои чувства Сюзанна и тут же поняла, как нелепы ее попытки приписать столько чудовищных знамений такой простой вещи, как подмигивание.

– Хорошо еще, что я не попросил вас передать общее выражение его лица, – улыбнулся Макги. – Наверное, рассказов хватило бы до завтрашнего утра!

Сюзанна наконец сдалась – она улыбнулась и призналась:

– Наверное, это звучит ужасно глупо, а?

– Да, пожалуй. Особенно с тех пор, как мы выяснили, что этого человека зовут Билл Ричмонд и ему всего двадцать один год.

– Итак, подмигивание – это всего лишь подмигивание, а угроза – не более чем плод моего воображения?

– Не кажется ли вам, что все обстоит именно так? – дипломатично заметил доктор.

Сюзанна вздохнула.

– Да, мне и вправду так кажется. И я, наверное, должна извиниться перед вами за то, что доставила столько хлопот.

– Ну что вы, ерунда, – любезно сказал Макги.

⁵ Одри Хепберн – американская кинозвезда.

– Я так страшно устала, ослабела, что воспринимаю все в каком-то болезненном свете. Прошлой ночью мне приснился сон о Харше, так что, когда я увидела человека, вышедшего из лифта, так похожего на Харша, я просто... потеряла голову. Это была паника.

Ей было трудно сделать это признание. Другим людям свойственно вести себя в трудных ситуациях как маленьким детям, но Сюзанна Кэтлин Тортон всегда считала себя – и была на самом деле – выдержанной, спокойной, готовой к любым испытаниям, которые преподнесет судьба. Она вела себя так и в детстве, отчасти из-за того, что ее одиночество обязывало ее полагаться только на саму себя. Она не поддавалась панике даже в «Доме Грома», когда Эрнест Харш наносил смертельные удары по голове Джерри Штейна; тогда она смогла убежать, спрятаться, выжить – и все благодаря тому, что постоянно сохраняла самообладание. В такой ситуации большинство людей не смогли бы действовать так взвешенно. Но теперь она не выдержала, мало того, позволила другим людям видеть ее в состоянии паники. Она чувствовала себя смущенной и униженной из-за своего собственного поведения.

– Зато теперь я буду у вас образцовой пациенткой, – сказала она Макги. – Я буду глотать все лекарства не пикнув. Я буду есть все, что мне принесут, и быстро-быстро восстановлю свои силы. Буду делать гимнастику, когда скажут, и столько, сколько скажут. К тому времени, когда меня пора будет выписывать, вы и думать забудете о той сцене, которую я вам сегодня устроила. Вы наверняка захотите, чтобы все ваши пациенты были такими, как я. Обещаю, что так все и будет.

– Я уже сейчас хочу, чтобы все мои пациенты были бы такими, как вы, – признался доктор. – Поверьте, гораздо приятнее иметь дело с приятной молодой женщиной, чем со стариком-инфарктником.

После того как Макги ушел, Сюзанна договорилась с одним из санитаров, чтобы тот принес к ней в палату телевизор. Вечер за окном уступал место ночи, и она успела посмотреть последнюю часть фильма из сериала «Дела Рокфордов», затем очередной повтор шоу с Мэри Тайлер Мур. Изображение из-за близкой грозы время от времени портилось, но она досмотрела до конца также и выпуск новостей из Сиэтла. Она разочарованно отметила про себя, что главные места в программе новостей занимают все те же международные события, что и три недели назад, когда она выпала из обычной жизни.

Чуть позже она с аппетитом съела ужин, принесенный ей. Еще попозже позвонила и вызвала дежурную медсестру, попросив ее принести еще что-нибудь из еды. Крашеная блондинка по имени Мария Эдмондс принесла ей тарелку шербета с консервированными персиками. Вскоре и эта тарелка опустела.

Сюзанна старалась не думать о Билле Ричмонде, двойнике Харша. Она старалась не думать о «Доме Грома», о драгоценном времени, потерянном в состоянии комы, о пустотах, зияющих в ее памяти, о своей ужасной беспомощности или о чем-либо еще, что могло бы ее расстроить. Она приготовилась быть образцовой пациенткой и хотела вновь обрести свой оптимизм, так как иного пути к выздоровлению не было.

Несмотря на все ее усилия, ее не покидало неясное, но леденящее душу предчувствие опасности. Бесформенный злой дух витал где-то рядом.

Всякий раз, когда этот дух приближался совсем близко, она отгоняла его мыслями о чем-нибудь хорошем. Главным образом это были мысли о Макги: о его удивительно мягкой манере двигаться, о его ласкающем слух тембре голоса, о его удивительных глазах, полных сияния и жизнелюбия, о его руках, их благородных линиях и длинных пальцах.

Когда пора уже было засыпать, она приняла прописанное ей доктором успокоительное. Сквозь подступающий сон она расслышала, как осенний дождь перестал стучать в стекло. Ветер, однако, продолжал свои атаки, завывая, шепча, а иногда и рыча. Он как бы обнюхивал оконную раму и, подобно огромной собаке, пытался скрестись лапой о стекло, прося, чтобы его пустили внутрь.

Возможно, именно из-за ветра Сюзанне в эту ночь снились сны о собаках. Сны о собаках и шакалах. О шакалах и волках. И еще – об оборотнях. Эти существа без труда превращались из волков в людей, а затем вновь становились волками. И вот они снова в человеческом обличье и снова преследуют ее или подстерегают в какой-то темной чаще. В этом человеческом образе она сразу опознала их – это были Джеллико, Паркер, Куинс и Харш. Ей снилось, что в своих скитаниях по ночному лесу она выбралась на освещенную луной поляну. Четыре огромных чудовища в образе волков терзали на траве тело Джерри Штейна. Они оторвали взгляд от своей жертвы и злобно оскалились в ее сторону. Их морды, их клыки были в крови. В другой раз ей приснилось, что они преследуют ее в пещерах, среди сталактитов и сталагмитов, в узких и тесных меловых проходах. Однажды они погнались за ней по огромному полю из удивительных черных цветов, они преследовали ее и на городских улицах, вынюхивая ее и не давая ей спрятаться. Это была бесконечная гонка, жестокая и беспощадная. Один раз одно из чудовищ проникло в ее больничную палату; оно ползло по полу, пряталось в тени, она не могла рассмотреть его в подробностях, а видела лишь мерцающий взгляд диких глаз совсем рядом с ее кроватью. Затем существо вступило в круг желтого света от ночника, и Сюзанна явственно увидела, как с ним произошло еще одно превращение: из волка оно вновь сделалось человеком. Это был Эрнест Харш. В пижаме и больничном халате...

«Нет, это уже не сон!» – подумала она, дрожа от накатывающих на нее холодных волн ужаса.

...Он подошел к кровати. Он даже наклонился, чтобы лучше разглядеть ее. Она хотела закричать, но не могла. Она не могла даже пошевелить рукой, защитить себя. Лицо Харша стало расплываться, Сюзанна изо всех сил пыталась сосредоточиться на этом лице, но чувствовала, как ее медленно уносит назад – на поле из черных цветов...

«Я должна сбросить с себя это наваждение. Надо проснуться. Проснуться. Ведь это лекарство было всего лишь легким успокоительным. Легким, черт возьми!»

...Лицо Харша превратилось в серую массу. Больничная палата куда-то исчезла, и она снова ощутила себя бегущей по полю из черных цветов, спасающейся от стаи воющих волков. В небе была полная луна, но странно – она давала так мало света. Сюзанна не могла понять, куда она бежит. Неожиданно она споткнулась и упала лицом в цветы и поняла, что споткнулась о бездыханное, изувеченное тело Джерри Штейна. Рядом появился один из волков, он все ближе и ближе, вот он уже тычет свою морду прямо ей в лицо, вот она уже ощущает прикосновение его холодного носа к своей щеке. В этот момент морда зверя расплылась и превратилась в лицо не менее злое – в лицо Эрнеста Харша. Теперь к ее лицу прикоснулась не волчья морда, это был короткий тупой палец Харша. Сюзанна вздрогнула, и сердце внутри забило так сильно, что она испугалась, что оно вот-вот выскочит из груди. Харш отвел свою руку от ее щеки, и его лицо расплылось в улыбке. Поле из черных цветов исчезло. Ей опять снилась ее больничная палата...

Хотя это был вовсе не сон. Это было на самом деле. Харш находится рядом с ней и собирается убить ее.

...Она попыталась приподняться с постели, но не было сил. Тогда она решила дотянуться до кнопки вызова медсестры, но находящаяся всего в нескольких дюймах кнопка вдруг оказалась недостижимой, как далекая звезда. Она не отступала и неожиданно поняла, что ее рука начинает медленно вытягиваться в сторону кнопки. Вот она уже вытянулась, словно змея, и приобрела необыкновенную гибкость. До кнопки оставалось еще немного. Сюзанна чувствовала себя Алисой, попавшей в Зазеркалье. В данный момент она находилась в той части страны чудес, в которой не действуют обычные законы перспективы. Здесь большое казалось маленьким, а маленькое – большим, то, что близко, было далеко, и наоборот; не было разницы между верхом и низом, между снаружи и внутри, между над и под. Это странное состояние, вызванное, вероятно, сном и действием лекарства, доводило ее до тош-

ноты, она ощущала горький привкус желчи во рту. Разве так бывает во сне? Вряд ли. Где все это происходит – во сне или наяву? Ответ на этот вопрос ей очень хотелось бы получить как можно быстрее. «Давненько не виделись», – произнес Харш. Сюзанна заморгала, пытаясь получше разглядеть расплывающееся лицо, но это ей плохо удалось. В какой-то момент ей показалось, что у него необычные глаза – волчьи, со звериным блеском. «Думала, что избавилась от меня навсегда?» – прошептал Харш, наклоняясь к ней еще ближе, едва не касаясь ее своим лицом. У него был отвратительный запах изо рта, и она подумала, что ощущать запахи можно только наяву, значит, и Харша она видит не во сне. «Думала, что избавилась от меня навсегда?» – повторил свой вопрос Харш. Она не могла ответить, в горле стоял комок, она ничего не могла с этим поделать. «Ты, проклятая стерва», – продолжал Харш, и его улыбка превратилась в звериный оскал. «Ты, вонючая, мерзкая, гнусная стерва. Ну, каково тебе сейчас? А? Небось теперь жалеешь, что засадила меня в тюрьму? Хе-хе. Да уж. Вижу, вижу, что жалеешь». Он рассмеялся, и на время его смех превратился в подобие волчьего лая. «Знаешь, что я собираюсь с тобой сделать? – спросил он. Его лицо опять стало расплываться. – Знаешь, что я собираюсь с тобой сделать?» Она снова была в пещере. Прямо на каменном полу росли черные цветы. Она убегала от стаи воющих и лающих волков. Вот она свернула за угол и оказалась на улице вечернего города. Один из волков, стоявший под уличным фонарем, спросил у нее: «Знаешь, что я собираюсь с тобой сделать?» Сюзанна побежала по улице, и бег этот сквозь длинную, пугающую, расплывающуюся ночь был бесконечным.

В понедельник на рассвете она проснулась с тяжелой головой и в страшной испарине. Она вспомнила свои сны о волках и об Эрнесте Харше. При свете неяркого серого утра мысль о том, что Харш мог появиться ночью у нее в палате, показалась ей совершенно нелепой. Она была жива, невредима. Это был просто кошмарный сон. Все, что было, было сном. Обычным кошмарным сном.

Глава 5

Утро началось с того, что Сюзанна с помощью сиделки обтерлась влажной губкой. Освежившись таким образом, она переоделась в запасную пижаму, зеленую в желтый горошек, а старую забрала санитарка, выстирала и повесила тут же, за дверью, сохнуть.

Завтрак на сей раз был плотнее. Сюзанна съела все до последней крошки и все-таки осталась голодной.

Вскоре появилась миссис Бейкер, сменившая ночную медсестру. Она пришла в палату вместе с доктором Макги, который совершал утренний обход больных, прежде чем отправиться на свою частную практику в город Уиллауок. Вдвоем они сняли повязку со лба Сюзанны. Ей совсем не было больно, только пару раз она испытала покалывание – очевидно, пластырь прилип к краю раны.

Макги, поддерживая ее затылок, вертел голову в разные стороны и рассматривал заживавшую рану.

– Ну что же, портной явно старался и зашил все очень ровно. Приходится немножко хвалить самого себя.

Миссис Бейкер взяла со столика зеркало и подала его Сюзанне.

Сюзанна была приятно удивлена, увидев, что шов выглядел вовсе не безобразным, как она того боялась. Он был четырех дюймов в длину и тянулся вдоль лба тонкой розовой блестящей полоской, параллельно которой шли точки от удаленных ниток.

– Эти точки исчезнут дней через десять, – успокоил Сюзанну Макги.

– А я-то думала, что у меня на лбу огромная кровавая рана, – сказала Сюзанна, подняв руку и прикасаясь пальцами к ровной гладкой коже.

– Как видите, она совсем небольшая, – ответил Макги. – Однако крови из нее было много, она буквально хлестала фонтаном, когда вас привезли сюда. Рана, кстати, не так легко заживала, возможно, из-за того, что вы часто хмурили лоб, когда были в коме. Но с этим мы ничего не могли поделать. Страховая компания не стала бы оплачивать круглосуточные выступления клоунов у вас в палате. – Макги улыбнулся. – Так или иначе вместе со следами от ниток постепенно будет исчезать и сам шрам. Он станет еще уже, но, к сожалению, не будет одного цвета с кожей. Если он вам совсем не понравится, вы сможете обратиться к хирургам-косметологам, они обязательно помогут.

– О, я уверена, что до этого дело не дойдет, – перебила его Сюзанна. – Я просто уверена, что шрам будет практически незаметен. У меня, честно говоря, отлегло от сердца, когда я увидела, что не похожа на Франкенштейна.

Миссис Бейкер рассмеялась.

– Да разве это возможно! С вашей-то красотой! Боже мой, дорогая Сюзанна, вы себя недооцениваете.

Сюзанна покраснела.

Макги весело рассмеялся.

Покачивая головой, миссис Бейкер прихватила ножницы и остатки бинтов и вышла из палаты.

– Ну и как? – сразу приступил к делу Макги. – Готовы разговаривать с вашим шефом в «Майлстоуне»?

– Филипп Гомез, – повторила Сюзанна имя и фамилию, сказанные ей вчера Макги. – Я до сих пор не могу припомнить ничего, связанного с этим именем.

– Надо немного подождать, и все вспомнится. – Доктор взглянул на часы. – Рановато, но мы попробуем. Он уже должен быть у себя в офисе.

Он поднял трубку телефона, стоявшего на столике рядом с кроватью, и попросил телефонистку больничного коммутатора соединить его с компанией «Майлстоун» в Нью-порт-Бич в Калифорнии. Гомез бы уже на работе, он сам взял трубку.

В течение нескольких минут Сюзанна слушала Макги, разговаривающего с Филиппом Гомезом. Доктор сообщил, что Сюзанна недавно вышла из состояния комы, но у нее сохраняется временная частичная потеря памяти. Он делал особое ударение на слове «временная». Наконец он передал трубку Сюзанне.

Сюзанна взяла ее, как берут в руки змею. Она не могла разобраться в своих мыслях и не была уверена, что правильно поступает, вступая в разговор со своим шефом из «Майлстоуна». С одной стороны, она не хотела бы жить всю оставшуюся жизнь с зияющей пустотой в памяти о значительной части своей жизни. С другой – она отлично запомнила чувство, которое вызвал у нее разговор о «Майлстоуне». Ее не покидало тревожное ощущение того, что ей лучше не вспоминать о своей прежней работе. Вчера в ее душу вполз призрак страха. Сегодня она почувствовала, как этот призрак возвращается.

– Алло!

– Сюзанна? Неужели это вы?

– Да. Это я.

У Гомеза был высокий тембр голоса, он говорил быстро, выпаливая фразу за фразой.

– Сюзанна, слава богу, я снова слышу ваш голос, слава богу, честное слово, мы так и знали, нет, действительно, иначе и быть не могло. Мы так переживали за вас, так сильно переживали. Даже Брекенридж переживал. Представляете, кто бы мог подумать, кто мог знать, что он способен переживать? Так как вы? Как вы себя чувствуете?

Звук этого голоса не пробуждал у Сюзанны никаких воспоминаний. Это был голос совершенно постороннего человека.

Они разговаривали минут десять. Гомез пытался помочь Сюзанне вспомнить что-нибудь о ее работе. Он рассказал, что «Майлстоун» является независимой частной компанией, специализирующейся на выработке стратегических технологий, и работает по контрактам с ИТТ, IBM и другими крупными компаниями. Это ничего не давало Сюзанне, она не могла представить, что такое «независимая частная корпорация, специализирующаяся на выработке стратегических технологий». Гомез растолковывал ей, что она работала над применением лазерных технологий в производстве средств связи. Никакого проблеска в памяти. Он описал ее кабинет в «Майлстоуне» – это прозвучало как рассказ о месте, в котором она никогда не бывала. Он перечислил ей друзей и коллег по «Майлстоуну»: Эдди Джилрой, Элла Хэверсби, Том Кавински, Энсон Брекенридж и другие. Ни одна из фамилий не была ей знакома. К концу разговора в голосе Гомеза уже чувствовалось беспокойство. Он просил ее звонить ему в любое время, когда это понадобится, а также посоветовал позвонить и другим сотрудникам «Майлстоуна».

– И знайте, – сказал он, – сколько бы ни продолжалось ваше выздоровление, ваша работа будет вас ждать.

– Благодарю вас, – ответил она, тронутая его благородством.

– Ну что вы, – заключил Гомез. – Вы же одна из лучших сотрудниц нашей компании, и мы не хотим терять вас. Если бы мы находились от вас не за тысячу миль, я уверен, мы бы не отходили от вас, помогали бы как могли, чтобы вы побыстрее встали на ноги. Мы бы просто дневали и ночевали у вас в палате.

Сюзанна попрощалась с Гомезом и повесила трубку.

– Ну как? Что-то прояснилось? – сразу задал вопрос Макги.

– Ничего. Я не могу припомнить ничего о моей работе. Но Фил Гомез показался мне очень любезным.

Про себя же она подумала: «Если он такой любезный, такой заботливый, то как же я могла его забыть?»

И еще одна мысль мучила ее – на протяжении всего разговора в душе нарастала странная тревога. Откуда это чувство? Любезный Фил Гомез и непонятное ощущение опасности. Она... боялась даже мысли о «Майлстоуне». И не могла понять – *почему*.

После того как Макги ушел, Сюзанна повторила упражнение для мышц ног.

Миссис Бейкер, прикатившая кресло-коляску, помогла ей перебраться в нее и сказала:

– На сей раз, я думаю, вы сможете ехать самостоятельно. Сделайте один полный круг по третьему этажу. Если устанут руки, попросите любую из медсестер докатить вас до палаты.

– Я чувствую себя великолепно, – заверила ее Сюзанна. – Я не устану. Может быть, мне сделать два круга по этажу?

– Я так и знала, что вы об этом попросите, – отреагировала миссис Бейкер. – Но сейчас вам можно проехать только один круг, этого будет вполне достаточно. Не надо устраивать марафонских забегов. После обеда и дневного сна отправитесь по второму кругу.

– Вы так нянчитесь со мной. Я гораздо выносливей, чем вам кажется.

– Ну вот, опять за старое. Дитя мое, вы неисправимы!

Сюзанна покраснела, вспомнив, как вчера не послушалась медсестру и чуть было не упала, пересаживаясь с кровати в кресло-коляску.

– О'кей, один круг. Но после обеда и сна я проеду по тому же маршруту два раза. Кстати, вчера вы обещали, что разрешите мне сделать несколько шагов самостоятельно, так что придется сдержать слово.

– Вы неисправимы, – повторила миссис Бейкер, улыбаясь.

– Сначала, – сообщила Сюзанна, – я собираюсь посмотреть на вид из окна.

Она проехала мимо второй кровати, которая продолжала пустовать, и остановилась у окна. Лежа в кровати, она могла видеть через него лишь небо и верхушки деревьев. Подоконник был довольно высокий, и ей пришлось вытягивать шею, чтобы рассмотреть открывающийся вид.

Больница была выстроена на одном из холмов, кольцом окружающих неширокую долину. Склоны холмов заросли соснами, обычными и голубыми елями; среди деревьев виднелись поляны с изумрудно-зеленой травой. Городок располагался в долине, но его пригороды уже вторгались на склоны холмов. Дома из камня, кирпича и дерева ровными линиями выстроились вдоль прямых улиц. День был серый и непогожий, по небу ползли грозовые тучи, однако даже в этих мрачных декорациях городок казался спокойным и красивым.

– Какое приятное место! – воскликнула Сюзанна.

– Еще бы, – подхватила миссис Бейкер. – Я ни разу не пожалела, что уехала сюда из большого города. – Она вздохнула. – Ах, да мне же еще нужно переделать массу дел. Но как только вернетесь в палату, сразу вызовите меня, я помогу вам лечь в постель. – Она шутливо погрозила Сюзанне пальцем. – И не вздумайте проделать это самостоятельно. Несмотря на всю вашу храбрость, вы еще слишком слабы. Обязательно вызовите меня.

– Обещаю, – отозвалась Сюзанна, подумав про себя, однако, что она, может быть, попробует обойтись без помощи медсестры, если будет хорошо себя чувствовать после прогулки.

Миссис Бейкер вышла, а Сюзанна все не могла оторвать взгляда от окна, любуясь пейзажем.

Спустя некоторое время она с ужасом осознала, что в палате ее задерживает вовсе не красивый вид из окна. Она подсознательно боялась покинуть комнату. Она боялась вновь встретиться с Биллом Ричмондом, с человеком, похожим на Эрнеста Харша. Она боялась,

что опять увидит на его лице эту злобную усмешку, опять увидит его мутно-серые глаза, опять он будет подмигивать ей и еще, пожалуй, чего доброго, начнет издевательски интересоваться, как себя чувствует Джерри Штейн.

«Черт побери, да это же просто смешно!» – подумала Сюзанна, злясь на саму себя.

Она резко выпрямилась в кресле, как бы пытаясь сбросить с себя прокравшийся в душу страх.

«Никакой он не Харш. И с призраками не имеет ничего общего, – сурово выговаривала она себе. – Он на тринадцать лет моложе настоящего Харша. Зовут его Ричмонд, Билл Ричмонд. Он родом из Пайн Уэллс и со мною незнаком. Так почему же я, как дура, сижу здесь и дрожу от страха при одной мысли о том, что он может встретиться мне в коридоре. Что со мной?»

Она до такой степени застыдила себя, что уже не могла оставаться на месте. Вращая руками колеса, она выкатилась в коридор.

К ее большому удивлению, руки начали уставать еще до того, как она покрыла пятую часть расстояния. На перекрестке коридоров боль стала уже невыносимой, и она остановилась, чтобы помассировать мышцы рук и плеч. Она случайно взглянула на свои пальцы и поняла то, что хотела бы забыть, – тонкие прозрачные пальцы явно свидетельствовали о крайней степени истощения ее организма.

Собрав волю в кулак, Сюзанна двинулась дальше и свернула в самый длинный коридор больницы. Управление тяжелым креслом-коляской требовало много сил и внимания, и она даже сама удивилась, как ей удалось при этом заметить мужчину, стоявшего возле поста дежурной медсестры. Но она на самом деле сразу его увидела и остановила кресло-коляску. Не в силах сдвинуться с места, она уставилась прямо на него. Потом ей все-таки удалось закрыть глаза, сосчитать до трех и открыть их снова – человек стоял на том же месте, облокотившись на стол, и продолжал болтать с медсестрой.

Он был высокого роста, шести футов двух дюймов. Брюнет. Карие глаза. Удлиненное лицо, как будто господь бог вытянул глину, чтобы лепить его, да так и бросил работу на полдороге. Широкий лоб, длинный нос со вздернутыми вверх ноздрями и заостренный подбородок. Он был одет в белую пижаму и вишневый халат, то есть как обычный пациент. Но для Сюзанны он был далеко не обычным человеком.

Она ожидала, что ей встретится Билл Ричмонд, двойник Харша. Она уже внутренне приготовилась к этой встрече, примирилась с ней. Но *такого* она не ожидала.

Этот человек был Рэнди Ли Куинсом.

Еще один из четверки убийц.

В шоке, в испуге, не веря своим глазам, она воззрилась на него, моля об одном – только бы он исчез. Пусть он будет лишь игрой ее разгоряченного воображения. Человек, однако, безжалостно оставался таким, каким он был, и никуда не исчезал. Сомнений в реальности происходящего не оставалось.

Тогда Сюзанна начала лихорадочно соображать, бежать ли ей обратно или продолжать двигаться вперед. Она еще не успела ничего решить, как человек спокойно повернулся к ней спиной и, не обращая на нее никакого внимания, пошел по коридору. Как вскоре стало ясно, он всего лишь направлялся к себе в палату, которая была пятой по счету от лифта.

Сюзанна вдруг поняла, что все это время ее горло сжимал спазм. Она смогла теперь глубоко вдохнуть, и воздух, который она вобрала в себя, показался ей таким же обжигающе-холодным, как воздух февральских вечеров в Хай-Сьерра, куда она иногда отправлялась покататься на лыжах.

Ей не верилось, что она сможет сдвинуться с места. Ей казалось, что она окаменела, превратилась в ледяную глыбу.

Мимо прошла санитарка, ее туфли на резиновой подметке слегка поскрипывали на гладком линолеуме.

Этот звук напоминал хлопанье перепончатых крыльев летучих мышей.

По коже поползли мурашки.

Там, в «Доме Грома», тоже было много летучих мышей. Они притихли, когда в пещере зажгли много ярких свечей. Они нервно заматались, когда четверка парней начала избивать Джерри. Они со свистом рассекали темноту и едва не натыкались на нее, когда она, погасив фонарь, бежала, спасая свою жизнь.

Медсестра, с которой только что разговаривал Куинс, обратила на Сюзанну внимание, должно быть, заметив у нее испуг на лице.

– С вами все в порядке?

Сюзанна выдохнула. Воздух, согретый ее теплом, растопил лед, сковывавший гортань. Она облегченно кивнула медсестре.

Поскрипывание мышинных крыльев стало едва слышным, а затем и вовсе пропало в другом конце коридора.

Сюзанна подкатила свое кресло поближе к столу дежурной и обратилась к медсестре, брюнетке, имени которой она не знала:

– Тот человек, который только что говорил...

Медсестра перегнулась через стол, посмотрела на Сюзанну сверху вниз.

– Вы имеете в виду парня, который ушел в шестнадцатую палату?

– Да, его.

– И что?

– Мне кажется, я его знаю. Или, вернее, была с ним когда-то знакома. Это было очень давно. – Она нервно посмотрела в ту сторону, куда ушел Куинс. – Но я могла ошибиться, я не хочу подходить к нему с глупыми вопросами. Вы не знаете, как его зовут?

– Конечно, знаю. Его зовут Питер Джонсон. Нормальный парень, только очень поговорить любит. Он часто подходит сюда поболтать, из-за него я не успеваю заполнить истории болезни.

Сюзанна удивленно заморгала.

– Питер Джонсон? Вы уверены? Вы уверены, что его зовут не Рэнди Ли Куинс?

Медсестра нахмурилась.

– Куинс? Нет, он Питер Джонсон, это точно. Какие могут быть сомнения?

Говоря больше сама с собой, чем с медсестрой, Сюзанна зашептала:

– Тринадцать лет назад... в Пенсильвании... я знала одного человека, он был похож на этого...

– Тринадцать лет назад? – переспросила медсестра. – Ну, тогда точно это был другой. Питеру сейчас не то девятнадцать, не то двадцать лет... Тринадцать лет назад он был ребенком.

Сюзанна вздрогнула, мгновенно вспомнив, что в самом деле тот, которого медсестра назвала Питером, был молодым человеком. Он совсем недавно вышел из подросткового возраста. Он выглядел так, как выглядел Рэнди Ли Куинс тринадцать лет назад, но совсем не так, как Куинс, доживший до этого дня. Человек мог настолько хорошо сохраниться только в замороженном виде, больше – никак.

Из обеденного меню на сей раз почти исчезли легкие блюда, зато появилось больше нормальной еды. Сюзанне такое изменение пришлось по вкусу, и вскоре тарелки опустели. Она как можно скорее хотела восстановить силы и выписаться из больницы.

Чтобы угодить миссис Бейкер, Сюзанна опустила изголовье кровати, повернулась на бок и притворилась, что спит. Ни о каком сне речи, конечно же, не было. Голова была занята мыслями о Билле Ричмонде и Питере Джонсоне.

Целых два двойника? Два абсолютных двойника внезапно объявились в одном и том же месте с интервалом в один день?

Это не просто маловероятно, это – невозможно.

И все-таки это случилось. Так как оба они находятся здесь, в больнице. Она видела их собственными глазами.

Отбросив мысль о двойниках, Сюзанна принялась анализировать другие возможности. Что, если Куинс и Харш попали в больницу одновременно с ней? В этом, по крайней мере, не было ничего сверхъестественного. Или они не были двойниками от природы, а были гениальными подделками под настоящих Харша и Куинса? Нет, такая вероятность ничтожна, не стоит даже терять на это время. Вернемся к первой версии. Предположим, Харш и Куинс в свое время, отбыв наказание, сумели каким-то образом сменить фамилии и получить новые документы. Неудивительно, если эти двое поддерживали связь друг с другом на протяжении всего этого времени, ведь они были когда-то близкими друзьями. Возможно, что они вместе решили приехать сюда, в Орегон. Все эти предположения были вполне логичными. Они могли заболеть и обратиться в больницу примерно в одно и то же время. Это уже совпадение, но вполне допустимое. Но дальше начиналась полная чепуха, которая опрокидывала всю логическую конструкцию. Они не могли так молодо выглядеть! Пусть один из них хорошо сохранился, пусть один был исключением из правил. Но двое?! Нет, такого на свете не бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.